

Музыка. Путешествие. Любовь.
И целое лето, которое
изменит их жизнь.

18+

Джесси ЭНДРЮС

ХЕЙТЕРЫ

Новый роман от автора бестселлера
«Я, Эрл и умирающая девушка»

Джесси Эндрюс Хейтеры

Серия «Виноваты звезды»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20583289

Хейтеры / Джесси Эндрюс ; [пер. с англ. Ю. Змеевой]. : АСТ; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-098722-1

Аннотация

Когда Уэс и его лучший друг Кори оказываются в джазовом лагере, они быстро разочаровываются – музыканты скучные и играют только по указке. В один из дней друзья случайно устраивают джем-сейшн с Эш, чья виртуозная игра на гитаре поражает Уэса и Кори. Все трое понимают, что они – идеальная команда, которая может стать чем-то большим. Эш решает, что, вместо того чтобы торчать все лето в лагере, они могут отправиться на ее машине в сумасшедшее музыкальное турне по всей Америке...

Содержание

Об авторе	6
Благодарности	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	41
Глава 7	52
Глава 8	64
Глава 9	73
Глава 10	87
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Джесси Эндрюс

Хейтеры

Посвящается: Кори, Мэтту и Виктору; Сэму, Раину, Леннгу, Джорджи, Янг и снова Виктору; Сэму и Дилану; Джареду; Скэму, Джейку, Алеку, Эрику, Дэнни, Ари, Ларджу, Алексу, Бретту, Бену, Малайке и Спенсеру; еще раз Бену и Мэтту; еще раз Алеку и Бретту; Алану, Мэтту (опять) и Питу; Тому, Джилли и Джиджи; Джоэлу, Джеку и Джону; снова Мэтту, Майку и Дэйву; и опять Мэтту, Мике, Робу, Джо, Джеффу, Хизер и Седжи; снова Мике, Дэйву, Нине и Джошу; и опять Мике и Дэйву. И всем ребятам, с которыми мне довелось играть в группе.

Jesse Andrews
THE HATERS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского Юлии Змеевой

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Text copyright © 2016 Jesse Andrews

© Ю. Змеева, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Об авторе

Дебютный роман Джесси Эндрюса «Я, Эрл и умирающая девушка» стал бестселлером *The New York Times* и *USA Today* и получил признание критиков и блистательные отзывы. Фильм по книге удостоен главного приза жюри и приза зрительских симпатий на кинофестивале в Санденсе в 2015 году. Джесси Эндрюс – писатель, музыкант и сценарист. Живет в Бостоне, штат Массачусетс. Подробнее об авторе на сайте www.jesseandrews.com.

Благодарности

Во-первых, эти благодарности не способны адекватно выразить степень признательности тем, кто мне помогал.

Во-вторых, спасибо моему блестящему и преданному редактору Мэгги, благодаря которой я начал писать юношескую литературу. А еще, если бы не Мэгги, то Эш, Кори и Уэс сбежали бы из джазового лагеря не раньше, ну не знаю, 250-й страницы.

В-третьих, моему не менее блестящему, преданному и терпеливому агенту Клодии из агентства *WME*, мастеру своего дела, принцессе-воину, лучшему читателю и другу, с которой так приятно пропустить стаканчик. А также Лоре, Анне и Саре.

В-четвертых, Сюзан, Лейли, Майклу, Чэду, Джеффу и остальным героически помогавшим мне членам команды *Abrams*, благодаря которым эту книгу вообще можно читать, а также приятно держать в руках и разглядывать. Спасибо за то, что терпели меня в офисе, пока я стучал по клавиатуре, сняв носки и ботинки.

В-пятых, Анджеле Абадилья, Келвину Стэмли и несравненному Дуэйну Долфину, музыкантам и учителям, которые сформировали меня как музыканта, но главное – как человека, что хорошо, ведь музыканта из меня в итоге так и не получилось.

В-шестых, маме, папе, Лене, Ив и бабушке – семье, из-за которой я и пишу о семьях.

И наконец, Тамаре, моему первому читателю и последней любви.

Глава 1

Мы не думали, что в джазовом лагере будет столько чуваков

В джазовом лагере было полно чуваков. Вообще говоря, их там оказалось чересчур много.

Мы с Кори стояли в актовом зале Шиппенсбергского университета, куда нас созвали на ознакомительное собрание. Тут толпилась целая куча чуваков. Они пыжились изо всех сил, пытаясь казаться крутыми и невозмутимыми. Везде, куда ни глянь, стоял чувак и усиленно делал дружелюбное и располагающее лицо. И каждые десять секунд мы слышали, как в разных углах зала какие-то чуваки шутили, потому что другие чуваки в тех углах каждые десять секунд вдруг взрывались громким ненатуральным хохотом.

Они очень старались смеяться естественно, но выходил безумный, натянутый, маниакальный смех, как у людей, намеренно пытающихся перехохотать друг друга.

Мы с Кори отыскивали места в сторонке и сели, очень надеясь, что никто из этих чуваков не подсядет к нам и нас не поглотит ни одна компания. Увы, случилось неизбежное: к нам подошел какой-то чувак. Он был белым. В джазовом лагере вообще преобладали белые парни. Чувак прижимал в груди футляр для тенор-саксофона с золотой гравировкой,

а на голову нахлобучил фетровую шляпу с двумя орлиными перьями разных цветов.

Кори барабанил партию и совершенно ушел в себя, так что чувак обратился ко мне.

– Чуваки, не возражаете, если мы сыграем трио? – спросил он, и я не слишком удивился, услышав, что парень с такой наружностью замурлыкал вкрадчивым голосом джазмена.

Он пытался спокойно и радушно улыбаться, но в глазах было отчаяние утопающего, и я понял, что нам придется принять его в свою компанию. Хотя бы ненадолго.

– Конечно, чувак, – ответил я. – Я – Уэс.

– Адам, – представился чувак и попытался пожать мне руку каким-то хитрым многоступенчатым рукопожатием. Слишком долгим, на мой взгляд. – Прости... как ты сказал, тебя зовут?

Парень оказался не готов к тому, что меня зовут Уэс, и это тоже совсем не удивило, учитывая, как внимательно он оглядел мое лицо и цвет кожи.

– Уэс, – повторил я. – Как Уэс Монтгомери¹.

– Уэсс, – проговорил он, произнеся мое имя на мексиканский манер. – Очень круто, очень. И из каких ты краев, Уэс?

– Мы с Кори оба из Питтсбурга, – ответил я, надеясь, что, услышав свое имя, Кори встрепенется и придет на подмогу.

---

¹ *Монтгомери, Уэс* – американский джазовый гитарист. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

Кори уставился на парня, не переставая барабанить партию. Такого понятия, как «умение вежливо вести беседу», для Кори просто не существовало, и, по идее, это должно было усложнять ему жизнь. Но нет. На деле выходило наоборот.

– Питтсбург, – наконец произнес Адам. – Первоклассный джазовый городишко. А я вот простой трубач из Джерси. Мое орудие – тенор.

– Круто, – сказал я. – У меня бас. А Кори у нас, как видишь, фаготист мирового класса.

И тут уже наш угол взорвался неестественным хохотом на весь зал. Адам откинул голову и зашелся:

– АХАХАХАХАХАХ! ФАГОТИСТ? Ох, чувак. Уэс, да ты приколист, – на нас стали оглядываться. Я попытался сделать приличную мину, означающую «кажется, я только что удачно пошутил», но при этом не выглядеть так, чтобы окружающим захотелось тут же заехать мне в рожу. Оказалось, сделать такую мину невозможно.

– Не, серьезно, давайте как-нибудь вместе поджемим, – разошелся Адам, но, к счастью, в этот момент на сцену вышел Билл Гарабедян с группой, и все заликовали, причем каждый пытался ликовать оригинальнее других, выделяясь из общей массы.

Билл Гарабедян – знаменитый джазовый гитарист, и, собственно, сейчас мы находились в его лагере. Это был тощий белый чувак с бритой головой и хитро подстриженной бо-

родкой – в виде пяточка под нижней губой и эспаньолки. Мы сразу поняли, что приветственную речь он заранее не подготовил. Он, как и Адам, говорил вкрадчивым тоном джазмена, только более низким, и вот как выглядели основные положения его речи:

– *Меня зовут Билл.*

– *Спасибо, спасибо.*

– *Ха-ха!*

– *Не, ребят, успокойтесь, серьезно...*

– *Спасибо, ага.*

– *Добро пожаловать в наш ежегодный джазовый лагерь.*

Уже пятый год.

– *Ха, ха, серьезно? А я думал, пятый...*

– *Что вообще говорят в таких случаях? Чуваки, никто не хочет подняться сюда и выступить вместо меня?*

– *Я серьезно.*

– *Ха-ха. Ну да ладно.*

– *Блин, я слишком стар для всего этого...*

– *А вы, ребята, с каждым годом все моложе и моложе, ага.*

– *Ха-ха, да не, серьезно, точно говорю...*

– *Вот стою здесь, на сцене, и смотрю на ваши молодые лица...*

– *... и вспоминаю, каким был в вашем возрасте. Тогда меня только одно интересовало: я хотел знать, что будет с джазом.*

- Каково будущее джаза, сечете, о чем я? Будущее... джаза.
- А в семнадцать меня уже номинировали на «Грэмми»...
- И тогда я понял: вот оно, будущее джаза! Оно наступило.
- Потому что вы сами не заметите, как будущее наступит...
- Подумайте об этом. Будущее подкрадывается незаметно!
- И вы сами не заметите, как постареете...
- ... вы состаритесь, покроетесь морщинами и перестанете нравиться девчонкам! Ахахаха!
- А ты чего смеешься, Дон?
- Ты и сейчас им не особо нравишься, чувак.
- Короче, на чем я остановился?
- Серьезно, чуваки...
- Расс, подскажи, что я там говорил? Не помнишь?
- А разве я этого уже не сказал?
- Хм. Может, это был не ты вообще.
- Короче, ладно...
- Ага, вспомнил. Короче. Слушайте. Эти две недели мы посвятим исследованию вашей индивидуальности как музыкантов.
- Мы реально хотим, чуваки, чтобы вы собрали свои группы, но подружились и с другими и вышли за пределы своих возможностей, сечете, о чем я?

– И поэтому мы сделали вот что...

– В этом году мы взяли в два раза больше ребят из ритм-секции...

– В два раза больше барабанищиков, басистов, пианистов, гитаристов...

– Поэтому у вас, духовиков, будет вдвое больше шансов поджесить!

– А-ха-ха-ха, не говори...

– Всегда пожалуйста, духовики...

– И ритм-секция, не волнуйтесь, вы тоже сможете поджесить сколько угодно.

– Через минуту устроим пробы и поделим вас по уровням...

– Но сначала нам с другими учителями надо немного размяться...

– Поприветствуйте нашу команду!

С этими словами Билл и учителя сыграли ударный хард-боп с нереальным рваным ритмом.

Целью этого выступления было продемонстрировать, что все они – джазовые гении, которые кого угодно закатают в бетон, и им это удалось. Вся песня, по сути, представляла собой последовательность нот, которые не складывались ни в какую мелодию. Сыграть такую песню невероятно сложно, и если у тебя это получилось, значит, ты перешел на высший уровень и имеешь право называться реальным джазменом.

Наш новый приятель Адам вдохновился так, что чуть не

испытал оргазм. Примерно каждые пятнадцать секунд – без шуток – он выдавал что-то вроде: «Блин! Да эти ребята умеют играть!» или «Во Билл отжег!» Еще он пытался восторженно материться, но ему самому при этом, видимо, становилось неловко. Только это и умеряло его пыл.

А вот мы с Кори не особо вдохновились. То есть, конечно, мы тоже оценили офигенную игру этих крутейших джазменов. Но в душу закрались сомнения: а что мы, собственно, будем делать в этом лагере? Видите ли, мы нормально играли на наших инструментах. Нормально, но не круто. А летние интенсивы Билла Гарабедяна, «Джазовые гиганты будущего», славились тем, что в них участвовали только первоклассные молодые джазмены. Если честно, зимой, подавая заявку, мы не надеялись, что нас возьмут. Мы вообще записались, потому что заставил учитель музыки. А когда узнали, что приняты, это вызвало скорее растерянность, чем восторг.

Однако теперь все встало на свои места. Оказывается, мы с Кори попали в число тех барабанщиков и басистов, которые понадобились им для увеличения ритм-секции. Мы были джазовой шелухой. Худшими из лучших. И я достаточно хорошо знал тактику преподавателей музыки, чтобы понять: обещание Билла «у вас будет куча шансов поджемить» также означает «у вас будет еще больше шансов торчать на репетициях и раздраженно слушать игру примерно таких же посредственных музыкантов, как вы сами».

Итак, мы с Кори пытались осмыслить всю серьезность ситуации, в которой оказались. Мы на две недели застряли в крошечном городке в трех часах езды к востоку от Питтсбурга, считай, на необитаемом острове, вместе с толпой выпендривающихся чуваков, и при этом примерно в половине случаев играть нам не дадут. Нас это не вдохновляло.

А еще нас не вдохновила песня, которую Билл Гарабедян с командой исполнили на бис. Это была очень медленная фьюжн-композиция «Мгновение». По сути, она могла бы стать саундтреком к сексуальной сцене с участием директора школы.

Глава 2

Пробы прошли хреново

На пробах было еще девять басистов. Учителем басистов оказался здоровяк азиатской наружности с усталым лицом. Его звали Рассел, и он нам все объяснил:

1. По итогам проб нас разделят на пять больших групп: Дюка Эллингтона, Каунта Бейси, Тэда Джонса и Мела Лююиса, Вуди Германа, Джина Крупы.

2. В каждую попадут два басиста и будут играть по очереди.

3. Все группы по-своему крутые, понимаете?

4. Поэтому не загоняйтесь, что попали не туда, куда хотели.

5. Если, конечно, это не группа Джина Крупы.

6. Если вы попали в группу Джина Крупы, вам стоит призадуматься, не провести ли следующие недели не в этом лагере, а, к примеру, ночью под мостом с бомжами.

Ну, допустим, последние два пункта Расселл вслух озвучивать не стал. Но я отчетливо услышал, как он об этом думает.

Стоит ли говорить, что я попал в группу Джина Крупы

– сборище наиболее отстойных игроков. Вообще-то, пробы прошли не так уж плохо. Но мне стало как-то не по себе от того, что я единственный играл на бас-гитаре, а не на контрабасе. Мне кажется, из-за этого я выглядел ненастоящим джазменом. Еще мне стало не по себе оттого, что почти все другие басисты играли нереально круто.

Кори тоже определили в отстойник Джина Крупы. Мы были в отчаянии и за обедом высказали друг другу свои соблазновения.

КОРИ: Значит ли это, что я должен играть, как Джин Крупа?

УЭС: Если тебе вообще дадут играть, что маловероятно.

КОРИ: Джин Крупа играет, как отмороженный.

УЭС: Неправда.

КОРИ: Как король всех отмороженных.

УЭС: Джин Крупа вообще не играет, потому что он, типа, давно умер.

КОРИ: Это да, но когда-то он играл, как самый большой баклан во всей Америке.

«Баклан» – общее наименование для всех, кто делает что-либо хреново. Кори, наверное, последний человек на земле, который использует это словечко. Думаю, оно нравится ему, потому что так любил говорить Херб Элперт, великий джазовый трубач, который внушает нам одновременно ужас и

восторг.

КОРИ: У меня новая любимая песня.

УЭС: Че, серьезно, какая?

КОРИ: Она называется... «Мгновение».

УЭС: Ооооо, дааааа...

КОРИ: Мне так повезло, недавно я слышал ее в живом исполнении...

УЭС: Ага, я тоже там был.

КОРИ: ... и это было так нереально круто и офигенно, что мне пришлось заняться членовредительством.

Членовредительство часто всплывает в наших разговорах с Кори. Это, можно сказать, наша любимая тема.

УЭС: О да, чувак, ты прав.

КОРИ: Конкретно, мне пришлось пойти на ресепшн, взять целую упаковку скрепок и прикрепить их к своему члену.

УЭС: Прямо к крайней плоти. Классический гамбит.

КОРИ: Да, воткнуть прямо в крайнюю плоть.

Суть в том, что столкнувшись с чем-то реально крутым, мы якобы приходим в такой восторг, что совершенно теряем голову и в порыве безумного счастья вынуждены заняться членовредительством. Причинение вреда своему члену для нас – мера офигенности той или иной вещи.

УЭС: Вообще-то я не хотел признаваться, но прослушивание этой прекрасной и загадочной композиции заставило и меня причинить непоправимый вред своему члену.

КОРИ: Хотелось бы узнать об этом во всех подробностях, пожалуйста.

УЭС: Я пошел на стоянку и бродил там несколько часов, а может, дней, и наконец набрел на незапертую машину. Тогда я вызвал эрекцию, чтобы как следует защемить член дверцей машины.

КОРИ: О, какая прелесть.

Важно отметить, что членовредительство также имеет место быть, когда мы сталкиваемся с чем-то отвратительным. Правда, в этом случае нам не столько хочется причинить вред своему члену, сколько унести вместе с ним подальше любой ценой. Как понимаете, за долгие годы мы проиграли тысячи различных сценариев членовредительства.

КОРИ: А это саксофонное соло... сопрано такой чистоты и глубины, что я просто был вынужден оторвать свой член и скормить его кошкам. Чпок! Сорвал, как спелый помидорчик с ветки.

Тут мы увидели, что к нам направляется Адам, и это заставило нас прекратить разговор. Адам совсем освоился и шагал такой развязной походкой, что расплескивал жидко-

сти, стоявшие на его подносе.

– Пробы просто чума, – сообщил он нам. – Какие же талантливые чуваки тут собрались, блин!

– Точняк, – ответил я.

– Рбрбур, – пробурчал Кори. У него никак не получалось притвориться, что Адам ему интересен, но он, видимо, решил, что надо издать какой-то звук, чтобы не показаться совсем странным.

– Меня просто убивает, что вокруг столько талантов, – распинался Адам, так и не присев. – Я слушал, как играют другие духовики, и думал: да что я вообще здесь делаю?

– Ага, – кивнул я.

– Но я нормально сыграл.

– Мм... хорошо.

– Лучше, чем ожидал, реально.

– Очень хорошо.

– Но что, если мне это не по зубам?

– Хмм? Да нет, чувак, вряд ли.

– Не знаю, друг. Ха-ха, просто не знаю.

Это могло продолжаться вечно, но тут я спросил, в какую группу его определили.

– А в какую группу ты попал, если не секрет?

– Каунт Бейси. Первый солист.

– А, круто.

– Ну так а вы, ребят? Увижу вас за барабанами и басом? Или вас, крутышей, взяли к Дюку Эллингтону?

– Вообще-то, мы в группе Джина Крупы, – ответил я.

– О, – проговорил он.

Адам продолжал улыбаться, но его глаз почти незаметно задергался. А потом парень начал очень медленно пятиться, отодвигаясь назад.

Серьезно. Как будто решил, что заразится от нас и тоже начнет играть фигово.

– Очень круто, очень круто, – повторял он, стараясь не смотреть нам в глаза. – Ну, мне пора... в смысле, пора обедать.

– Как-нибудь поджевим! – крикнул я вслед, надеясь вызвать у него угрызения совести.

– Обязательно, чувак, – ответил Адам, но его голова уже повернулась совсем в другую сторону, так что в итоге он сказал это кому-то другому.

КОРИ: На фига тебе джемить с чуваком, который носит шляпу частного сыщика с орлиными перьями?

УЭС: Не парься, узнав, что мы в группе Джина Крупы, он не только не станет джемить с нами, но и никогда больше не захочет с нами разговаривать.

Кори (заглатывая еду так быстро, что это мешает дыханию): Крбрр.

УЭС: Теперь нам придется выбирать партнеров для джема среди гораздо более отстойных чуваков, чем он.

КОРИ: Я хотел сказать, что мне придется отхлестать те-

бя по щекам, если ты и дальше будешь пытаться затусить с непонятными отморозками.

УЭС: Спасибо за предупреждение.

КОРИ: Спорим, есть стопроцентная вероятность следующего сценария...

УЭС:?

КОРИ: ... что у этого парня на члене вторая такая же идиотская шляпа с перьями, только маленькая.

Глава 3

Наконец появляется девчонка

С обедом мы быстро управились. Кори позвонила мама, и ему пришлось с ней разговаривать. Поэтому я заявился в репетиционную группу Джина Крупы за двадцать минут до начала репетиции. Там уже сидели несколько ребят.

И один из них оказался девчонкой. В этом не могло быть сомнений.

Теперь послушайте. Я не то чтобы без ума от девчонок, нет. Я не из тех чуваков, что готовы выставить себя полными идиотами перед другими чуваками, лишь бы улучшить свои шансы затусить с девчонкой. Меня бесит, когда парни так делают.

Еще я не из тех, кто готов придумать себе особый имидж, лишь бы девчонки на него запали. Знаете, как парни, которые сидят на ступеньках школы с акустической гитарой и косят под Джейсона Мраза. Или те, кто ведет себя с девчонками как полное чмо, думая, что если они будут так делать, девчонки безнадежно влюбятся в них. Они отрачивают супердлинные волосы, старательно моют голову несколько раз в день. Потом волосы лезут в глаза, и приходится постоянно встряхивать головой, оглядываться, чтобы, не дай бог, никто не заметил, как сложно им ходить с такими нереально краси-

выми волосами. А потом они закатывают глаза или тихонько ругаются про себя.

Думаю, все согласны, что на свете нет ничего ужаснее таких парней. Поэтому я и не пытаюсь вести себя как-то по-особенному, чтобы понравиться девчонкам. Но это не значит, что я не думаю о них все время. Нет, в моей голове постоянно звучит: «Девчонки-девчонки-девчонки-девчонки. Красивые девчонки, симпатичные девчонки. Сексуальные девчонки, остроумные девчонки, толковые девчонки. Девчонки. Как круто, если я вдруг понравлюсь девчонке. Это будет такое счастье, что я, наверное, не смогу пошевелиться. Поэтому даже к лучшему, что этого не происходит и, наверное, не произойдет никогда. Короче... девчонки».

Так что вот. Беру свои слова обратно: я без ума от девчонок. Но это не нарочно. Если ты помешан на девчонках, то рано или поздно выставишь себя идиотом, но с этим я ничего поделывать не могу.

Например, единственная причина, по которой я играю на басу, – девчонка. Выражаясь словами нашего учителя истории, это безапелляционный факт. В средней школе я влюбился в девчонку, которой нравилась песня Ники Минаж *Super Bass*. Ее звали Лара Вашингтон, и я много месяцев не мог проронить при ней ни слова, испытывая парализующий страх при ее появлении. А потом нас посадили вместе на лабораторной, и она все время напевала себе под нос: «О, этот парень, бум-ба-дум-бум-бум, ба-дум-бум, у него супер-бас».

А я, такой, спрашиваю: а что значит супербас? А она говорит: супербас – это когда парень нереально секси. Супербас – это вообще все, о чем можно мечтать, когда дело касается парней.

Сразу после этого я начал играть на басу. И почему-то у меня получилось, и это было круто. Мне нравилось, что у меня хоть что-то хорошо получается. Но даже если бы выходило плохо, круто, что у меня наконец появилась фишка. Всегда завидовал ребятам, у которых есть фишка. Тем, кто ходил на тренировки по футболу или в балетную школу и не просто убивал там время. Это была их фишка. Даже у Керела Гарфилда, который навязчиво складывал оригами из всех своих тетрадок, потому что не мог себя контролировать, имелась фишка. Я его за это уважал.

Итак, моей фишкой стала музыка. Это было здорово. И до сих пор здорово. У меня хорошо получается, я отлично разбираюсь в музыке и никогда никому не рассказываю про самый главный подвох, который заключается в том, что вообще-то я не люблю музыку.

Ну ладно, не так. Признаюсь. Соврал. Музыку я люблю. Но и ненавижу тоже.

Точнее, не так. «Ненавижу» не совсем подходящее слово. На самом деле просто во всем вижу недостатки. Короче, я как та ложка дегтя в бочке меда.

Такие, как я, не ненавидят. Просто всегда найдут повод придраться. И это не значит, что они не любят то, к чему

придираются. Я, например, не понимаю, как можно не любить музыку.

Как-то все это запутанно. Давайте в отдельной главе разберемся, что к чему, и тогда, возможно, станет понятнее.

Глава 4

Нет, по-прежнему ничего не понятно

Короче. Я знаю, всем не терпится узнать о той девчонке из репетиционной. Но для меня важно вам кое-что объяснить. Как бы мне ни нравился исполнитель, в итоге я всегда и во всем начинаю видеть недостатки.

Мне даже неудобно рассказывать, с чего все началось. Но иначе вы ничего не поймете. Итак, все началось с группы *Kool & The Gang*. Когда-то давно я был реальным фанатом *Kool & The Gang*. Заразился от отца – он тоже суперфанат этой группы, а главное, Кула². Я рос впечатлительным ребенком, а поскольку мой папа любил *Kool & The Gang* больше жизни и был абсолютно уверен, что их четвертый студийный альбом *Wild and Peaceful (De-Lite*³, 1973) – величайший из когда-либо записанных на планете, я тоже в это поверил. Нам казалось, что басисту *Kool & The Gang* нет равных, духовики вообще суперкруты, а задорные гитарные переборы Клэя Смита вызывали у меня желание упасть на ковер и восторженно кататься на спине, как делают собаки.

---

² Солист группы *Kool & The Gang* Роберт Белл по прозвищу Кул.

³ Рекорд-лейбл 1970-х, специализирующийся на *R&B*, в настоящее время подразделение *Universal Music Group*.

Но круче всего казалось то, что эти ребята действительно умели веселиться. Им было так весело, будто у них вот-вот случится неуправляемая истерика. Хотите убедиться? Найдите трек *Funky Stuff* с альбома *Wild and Peaceful*, поставьте его и продолжайте читать. Поставили? Окей. Слышите, как им весело? Слышите, как эти ребята кричат от безумного счастья и просто ничего не могут с собой поделаться? А один чувачок прямо пошел вразнос и дудит в свистковую флейту типа той, какие бывают у клоунов? Вы уже подпрыгиваете на стуле, улыбаясь во весь рот? Конечно, да! Ведь это самая веселая мелодия на свете!

Когда дослушаете ее до конца, поставьте трек *More Funky Stuff*. Еще больше веселья, ага. Слышите? Другой трек с этого альбома. Но мелодия та же самая, на сто процентов. А что такого, хороший ведь мотив? Они взяли ту же мелодию и совершенно беспардонно использовали ее еще раз. И пока мне не исполнилось тринадцать, я не видел в этом ничего плохого. Прослушал сотни песен *Kool & The Gang* на одну и ту же мелодию. В прямом смысле – сотни. А может, тысячи.

Мне казалось, что *Kool & The Gang* – саундтрек абсолютного счастья, ни больше ни меньше. А потом в один прекрасный день я поставил любимого Кула своему новому приятелю Кори Уолу, барабанщику из школьного джаз-бэнда. Тот недавно продемонстрировал дружеское расположение ко мне, наорав на парня, который сбил меня с ног на тренировке по футболу. И вот я решил отблагодарить его совместным

прослушиванием *Kool & The Gang*.

Но Кори почему-то не вдохновился.

– Не знаю, чувак, – сказал он примерно через двадцать тактов после начала песни. – По-моему, клюква какая-то.

Я не знал, что на это ответить.

– Ха-ха! – рассмеялся я, подумав, что это у него такой странный юмор. – Не, серьезно. Крутая песня же.

Кори в ответ только кивнул, но так, будто его кивок означал совсем не то, что обычно означают кивки. И мы продолжили слушать песню, только уже молча.

Тогда впервые в мое сердце закрались сомнения, что, может быть, *Kool & The Gang* – это не так уж и круто.

Помню, как я сам себе врал, убеждал себя, что не начал вдруг видеть все недостатки *Kool & The Gang*. Помню, как с нарастающей паникой думал: *да нет же, это суперская и крутая музыка! Она мне очень нравится. А вот опять чувак со свистком... Ну круто же свистит, а?*

– Это они поют *Celebration*, да? – спросил Кори.

– Ага, точно, – ответил я.

– Так давай ее послушаем, – предложил он.

– У них есть еще одна крутая песня, *More Funky Stuff*, – неуверенно возразил я, но Кори уже поставил *Celebration*.

В общем, если вам нравится *Kool & The Gang*, то понравится и *Celebration*. Не самая крутая их песня, конечно, но когда прокручиваешь подряд все лучшие хиты и слышишь эту песню, она вроде как кажется кайфовой. Веселая такая

песенка, сыграна – не придерешься. И автоматически настраивает на оптимистичный лад: мол, что бы ты ни делал – это праздник. Даже если это домашка по химии. Чтобы продраться через пять страниц домашки по химии, именно такая песня и нужна.

Но когда мы сидели и слушали ее в тот день, глядя на напряженное, скептическое выражение лица Кори, я впервые в жизни понял, что ненавижу эту песню.

– Какая-то она попсовая, – сказал Кори.

– Ага, но... – возразил было я, но не смог придумать, чем закончить фразу.

– Но что?

Kool пропел о том, что настанут лучшие времена, и мы будем смеяться.

– Ну, я о том, что... не знаю. Конечно, да, но... хм.

– ...?

– Ммммм... Ну... попсовая, конечно, но все-таки... хм.

Мы слушали, как Клэй Смит задорно наигрывает шестнадцатые на своей гитаре. Это была настоящая пытка, с каждой шестнадцатой нотой становившаяся все более невыносимой.

– Что все-таки?

– Ну, я понимаю, о чем ты, и, наверное, да...

– Это ж как реклама мебельного магазина, – завершил Кори.

Мы продолжили слушать *Kool & The Gang*, но в тот момент я понял, что никогда больше не смогу любить эту груп-

пу. Ведь Кори был прав: *Celebration* действительно похожа на рекламу мебельного магазина. *Funky Stuff*, если задуматься, попса. И, раз на то пошло, в существовании такой песни, как *More Funky Stuff*, нет ничего прикольного. Это дурацкая песня, и мне стыдно, что она существует. Ну серьезно, нельзя, что ли, было написать песню с другой мелодией? Неужели они правда подумали: а что такого, давайте запишем вторую песню абсолютно на тот же мотив? Реально подумали?! Да как так можно вообще?

Каждая последующая песня забивала новый гвоздь в гроб *Kool & The Gang. Jungle Boogie* – звучит как-то неестественно. *Ladies Night* – совсем неестественно. *Get Down On It* – песня, которую можно услышать, когда звонишь в ад, а тебя переключают в режим ожидания и заставляют слушать одну и ту же музыку много-много раз. *Cherish* – эту песню слышишь, когда наконец дозвонился в ад.

Вы, наверное, решили, что я возненавидел Кори за то, что тот так меня унизил. Но я не чувствовал себя униженным, наоборот – был ему благодарен. Ведь он спас меня от отстойной попсы, которую в противном случае я мог бы слушать всю жизнь.

Вскоре мы стали близкими друзьями. И в основном занимались тем, что слушали музыку. Сидели у Кори в подвале, подъедали запасы ярко-оранжевого сыра, который так любили его предки, и часами слушали интернет-радио и ютьюб в поисках Чистейшего Источника. Источника, воду в котором

невозможно отравить. То есть музыки, которую будешь любить вечно всем сердцем, потому что в ней просто не к чему будет придраться.

Естественно, к моменту нашего приезда в джазовый лагерь мы все еще не нашли такую музыку. То, что мы слушали, нам по-своему нравилось, но во всем мы находили какой-то изъян. Это касалось абсолютно всех групп, исполнителей и альбомов.

The Beatles: фанатея от The Beatles, всегда чувствуешь себя немного историком или специалистом по древним ископаемым.

Джеймс Браун: все его творчество, по сути, саундтрек к социальной рекламе о вреде кокаина.

LCD Soundsystem: все их творчество, по сути, саундтрек к социальной рекламе о вреде разноцветных таблеток, которые протягивает тебе на вспотевшей ладони богатенький парнишка в толстовке.

Фаррелл⁴: у него задорные песенки, только вот если задуматься, не такие уж они задорные, потому что Фаррелл слишком крут, чтобы демонстрировать настоящую неприкрытую радость или любые другие истинные эмоции. Мы с Кори вообще подозреваем, что он робот.

Канье⁵: творчество Канье похоже на продукцию корпорации, выпускающей единственный товар – забавные реклам-

---

⁴ Фаррелл Уильямс.

⁵ Канье Уэст.

ные ролики самой себя.

Can: слишком много птичьих криков.

Bon Iver: чересчур высокий эмоциональный накал для ежедневного прослушивания; как будто ты каждую минуту своей жизни умираешь в больнице и прощаешься с миром навсегда, прямо как в драматическом сериале.

Vampire Weekend: слова любой их песни понятны лишь тому, кто выучил наизусть роман «Улисс» или всю Библию от начала до конца.

My Bloody Valentine: творчество этой группы можно оценить по достоинству, лишь лежа в отключке на грязном матрасе в заброшенной квартире.

Джанго Рейнхардт: а его творчество можно оценить по достоинству, лишь разъезжая по Альпам на мини-купере с пуделем и багетом под мышкой.

Odd Future: слушать чуваков, читающих ироничный рэп о том, как они убивают и насилуют, можно лишь до тех пор, пока не поймешь, что, несмотря на иронию и несерьезность их текстов, по сути, ты занимаешься тем, что сидишь в подвале и слушаешь каких-то чуваков, которые рассказывают тебе, как они убивают и насилуют.

Ну хватит, пожалуй. Я люблю всех этих ребят. Но этот факт лишь заставляет меня сильнее к ним придирааться.

Вот такие мы с Кори. Найти соринку в чужом глазу? В этом мы профи. А вот чтобы самим сыграть музыку, к которой было бы невозможно придраться... даже не надейтесь.

Нет, конечно, у Кори в подвале стояла барабанная установка и усилки, но мы почти никогда не играли. Все, что нам удалось сочинить, было худшей версией уже написанного кем-то другим, причем в этой уже написанной музыке, конечно же, имелся какой-либо неисправимый изъян. Иногда мы пытались сыграть какой-нибудь афробит, шугейз⁶ или фьюжн с рваным ритмом, но через шестнадцать тактов я понимал, что такую музыку нельзя выпускать в мир. Кори тоже это понимал. Так что наши подвальные репетиции всегда заканчивались, едва начавшись.

Еще мы играли джаз в школе, но это не считалось. Мы могли без опаски признаться в том, что джаз нам нравится, потому что не было никакого шанса полюбить эту музыку, а потом, заметив в ней изъян, почувствовать себя так, будто тебя предали. Эта музыка казалась безопасной. Как игра на телефоне, которую иногда открываешь, чтобы побить собственный рекорд: весело – да, интересно – ну да, но показывать это другим – какой смысл?

К тому же, меня нельзя было назвать первоклассным джазменом: в джазе я не достиг особых высот. По правде говоря, я ни в чем не достиг особых высот.

Ну, вы понимаете. В обозримом будущем никто не собирался посвящать мне статью в Википедии.

---

⁶ Жанр инди-рока, названный так потому, что музыканты во время выступления вели себя апатично, стояли на одном месте и все время смотрели в пол (*shoe gaze* – смотреть на свои ботинки). На самом деле они были просто поглощены игрой на гитаре.

Уэсли Намасте Дулиттл

Материал из Википедии, свободной энциклопедии

Уэсли Намасте Дулиттл (род. 15 сентября 1999) — парень из Америки.

Раннее детство и юность ^[редактировать]

В этом разделе биографии ныне живущего человека отсутствуют ссылки и источники. Пожалуйста, добавьте в статью надёжный источник.

Дулиттл — приемный ребенок ^[необходима цитата]. Его биологические родители из Венесуэлы. Сеем надеяться, что данный период его жизни (ранняя юность) все еще продолжается ^[?].

Карьера ^[редактировать]

В этом разделе биографии ныне живущего человека отсутствуют ссылки и источники. Пожалуйста… а, ладно, проехали. Короче. Мы знаем, что про жизнь этого парня нигде ничего не написано. А все потому, что он ничего из себя не представляет. Не волнуйтесь. Редактор Википедии скоро уничтожит эту страницу. А пока приносим извинения за сам факт ее существования. Готовы предложить компенсацию ваших средств, потраченных на пользование Википедией в размере 0 долларов. Ага. Википедия бесплатна, поэтому никакой компенсации

не будет. Просто расслабьтесь и забудьте вообще о том, что прочитали.

Дулиттл ничем не отличился. А когда ему наконец придется выбрать жизненное занятие, он, скорее всего, не будет иметь понятия, что делать. Вероятно ^[кто это решил?], он выберет какую-нибудь ужасную профессию – например, станет корпоративным юристом или будет рекламировать *терки* в «Магазине на диване».

Ссылки ^[редактировать]

Вам незачем читать этот раздел. Давайте наконец вернемся к той девчонке из репетиционной.

Глава 5

Да, давайте наконец вернемся к девчонке из репетиционной!

Итак. В репетиционной сидела девчонка, полностью поглощенная исполнением сложного гитарного соло. Но я не слышал, хорошо она играет или плохо. Потому что гитара была выключена из розетки. Девчонка играла на новенькой *Les Paul*, и я, естественно, сразу обзавидовался.

Была ли девчонка красивой? Наверное, да. По крайней мере, мне она показалась прекрасной. Правда, у меня очень заниженные требования к женской красоте. Внешностью эта девчонка однозначно обладала странной.

Наверное, лучше всего описать ее словосочетанием «притягивающая взгляд».

На нее можно было смотреть очень долго. То есть, конечно, нельзя, потому что ее это бы взбесило. Но если бы можно было смотреть на нее бесконечно, например в сказочном сне, где она сидит и молча разрешает пялиться на себя сколько угодно, и ей не скучно (например, она говорит по телефону), это могло бы продолжаться вечно.

Вот как она выглядела: волосы обычной длины, но покрашены в молочно-белый цвет – словно бумага. Кожа при этом довольно темная, со множеством родинок. Маленькие чер-

ные глаза с очень пронзительным взглядом и четкие, прямые, как две кометы, брови придавали ее лицу permanently обеспокоенное и скептическое выражение. У нее был симпатичный изящный нос, но почему-то при взгляде на него возникали ассоциации с лабрадором-ретривером. Я понимаю, что мое описание никуда не годится, но что поделать. Пухлые, плотно сжатые губы, круглые щеки – «щечки-яблочки» – и подбородок в форме гамака, в котором лежит большой мяч для боулинга. Ну, может, не для боулинга, а какой-нибудь менее тяжелый мяч. Большой футбольный мяч, например. Короче, обычный подбородок, как у всех.

Так. Пожалуй, с описанием внешности пора заканчивать. Смысл в том, что это была очень симпатичная девчонка, она играла на гитаре и, естественно, я тут же на нее запал, потому что так всегда происходит. Ну вот, отлично.

Нашел место рядом и стал устраиваться со своей гитарой, а она прекратила играть и посмотрела на меня. Я начал усиленно думать, что бы такого сделать, чтобы очаровать ее. Но в итоге почему-то нахмурился, сдвинул брови и кивнул. Получилось довольно отталкивающее зрелище, после чего я выпалил:

– Запилы – огонь.

– Что? – спросила девчонка. Голос у нее был тихий, как будто она предпочитала молчать.

– Запилы – огонь, – повторил я. – Круто пилишь, говорю.

– А?

– На гитаре.

– Аа.

– Круто ты пилила, говорю. Вот я и сказал: «запили – огонь». Ну вот... кажется, разобрались.

– Что?

– Разобрались в том, что было до этого.

– Ага.

– Хорошо, – сказал я, зачем-то снова нахмурился и кивнул во второй раз, а потом демонстративно отвернулся к своей бас-гитаре и стал ее настраивать, а девчонка опять начала пилить на своей. Последующие пять минут я пытался совладать с желанием выбежать из зала и броситься под первую попавшуюся машину.

Глава 6

Посредственный джаз-бэнд имени Джина Крупы играет блюз фа мажор

Постепенно подошли другие ребята из ритм-секции. Они выглядели вполне нормальными и спокойными. За исключением второго гитариста. Его звали Тим, и он был придурком.

На его придурочность указывало то, что он словно не замечал присутствия в зале никого из нас, кроме девчонки, которую, кстати, звали Эш.

Сначала он встал прямо напротив нее. Потом принял развязную позу.

– Ого, кто это тут у нас, – проговорил он. – Меня зовут Тим.

– Привет, – рассеянно бросила она, не прекращая играть. Тогда Тим присел так, что его башка оказалась как раз на уровне ее гитары. Так он сидел некоторое время, слушая с закрытыми глазами и дебильным выражением на лице, которое, видимо, должно было означать: «мне нравится, как ты играешь».

– Ну ничего себе, – наконец произнес он. – У нас тут Роберт Джонсон в женском обличье, не иначе.

К моему сожалению, услышав это, она взглянула на него так, будто подумала: а может, он и не козел вовсе?

– Тебе нравится Роберт Джонсон? – спросила она.

– Я бы так не сказал.

– Почему?

– Потому что мне не нравится Роберт Джонсон. Я люблю Роберта Джонсона. Я его просто обожаю.

– О. Ясно. Окей.

– Говорят, он продал душу дьяволу за свой талант. Не зря продал, по-моему.

– Меня зовут Эш.

– Эш. Ну ничего себе. Шикарное имя.

– Да ладно. Дурацкое имя. Просто «Эшли» еще более дурацкое.

– Эш, для меня честь сидеть рядом с тобой в этом скромном бэнде, – произнес он вкрадчивым тоном трижды разведенного сорокалетнего сердцееда.

Я сидел, молча подслушивал и злился, что на мою территорию забрел другой самец, как лось в период гона или не знаю еще кто. Тем временем духовая секция затрубила что есть мочи. Духовики в джаз-бэнде всегда разыгрываются, надрывая легкие.

Но какофония прекратилась, когда в зал вошел барабанщик Билла Гарабедяна Дон и начал орать. У Дона были короткие черные волосы, шея шире головы и нижняя челюсть, слегка выдвинутая вперед. На белой футболке в области под-

мышек расплывались темные пятна, что делало фигуру Дона определенно устрашающей. Этими пятнами он словно хотел сказать: «У вас, слабаки, никогда не будет таких потных подмышек! Потому что вам никогда не стать настоящими мужиками!»

– Тише! – заорал он. – Эй! Примерно на девяносто процентов тише. Поняли? Я даже в коридоре свой голос не слышу. Окей. Настроились? Надо еще раз настроиться? Настройвайтесь, если нужно. Только тихо. Окей, давайте начнем. Добро пожаловать в команду Джина Крупы. Меня зовут Дон. Иногда занятия буду вести я, иногда – другие учителя. У вас есть расписание? Там все должно быть написано. Всем раздали расписание? Возьмите у других, если надо. Ладно. У меня не слишком большой опыт преподавания... я сам только учусь, как и вы. Так что не доставайте меня особо, ладно? Вы не будете меня доставать? Отлично. И не забудьте о главном – мы здесь, чтобы хорошенько повеселиться.

Он на секунду умолк и окинул нас взглядом, в котором читались одновременно уныние и абсолютный ужас. Потом продолжил:

– Итак, разминка – блюз фа мажор. Начнем с ритм-секции – давайте... ээ... Кори, Уэс, Джереми и... Тим. Каждый сыграть по двенадцать тактов. Не больше, потому что вас много. Джереми, вперед. Пять, шесть, семь, пошел.

Так началась наша блюзовая пятнадцатиминутка, в ходе которой каждый на языке джаза надеялся сообщить другим,

что он крут и ему есть что сказать.

Увы, наши надежды не оправдались.

Это была жесть. Блюз фа мажор оказался сложной и коварной мелодией. Она разом выявила все недостатки музыкантов нашей группы, которым не терпелось показать другу другу, кто чего стоит. Трубы то ворчливо тявкали, то пытались взять самые высокие и громкие ноты. Тромбоны неумело выводили пассажи типа «Полета шмеля», но выходило это у них по-дурацки, и в итоге они капитулировали с атональным пуканьем, похожим на крик неуверенного в себе слона. А сольные партии саксофонистов звучали, как спотыкающийся разговор, какой обычно ведешь с мамой приятеля, пока та тебя стрижет.

Что до меня, я ненавижу играть соло. По-моему, бас-гитара вообще не предназначена для соло. По крайней мере, все мои соло на басу обычно напоминают саундтрек к мультику про толстого медведя, который пытается танцевать в женском платье.

Кори тоже не удалось блеснуть. Отыграв примерно восемь приятных и незапоминающихся тактов на малом барабане, он вдруг застыл и молча просидел все оставшееся время. Дон нахмурился и задумчиво кивнул. У него было такое лицо, как будто очень маленький ребенок только что сообщил ему, что бога нет.

После Кори мы услышали первое достойное соло за день – минималистичное джазовое хокку от Тима, пронизываю-

щее до самых костей. Этот парень умел играть так, что не казалось, будто в мелодии слишком много нот. Так играют ребята, которые в совершенстве владеют своим инструментом, но при этом глубоко чувствуют музыку. И это, конечно, был отстой. Выходило, что самый тонкий и блестящий музыкальный ум в этом зале принадлежал полному придурку. Впрочем, меня это не слишком удивило. В музыкальном мире это обычное дело.

Мы сыграли половину этого длинного и монотонного блюза, и тут Дэн передал партию второй ритм-секции. После чего бэнд воспрял духом, потому что те играли гораздо лучше нас.

С одной стороны, меня это расстроило. С другой – их было приятно слушать. По крайней мере, троих-четверых из них. Второй барабанщик – коренастый чувак с бледным лицом – оказался намного круче Кори; контрабасист с хвостом и большими ручищами выдавал гораздо более глубокий, более «джазовый» звук, чем я на своем *Fender*, а пианист, похожий на капитана команды по плаванию, вполне удачно косил под Билла Эванса, величайшего джазового пианиста всех времен. Вторая ритм-секция вдохновила солистных исполнителей гораздо больше, и даже Дон расслабился и периодически бормотал себе под нос: «ну вот, другое дело» и «угу».

Но с третьей стороны, я расстроился, что слабым звеном второй ритм-секции оказалась Эш.

Первой ее проблемой являлся звук. Она звучала ни разу не джазово. Джазовые гитаристы играют мягко, без резонанса. Но Эш лупила по струнам так, что те аж хрустели; звук у ее гитары был резким, грубым, искаженным и совершенно не вязался с тем, что выдавали другие музыканты из ритм-секции. Еще одна проблема заключалась в том, что она явно не знала джазовых аккордов. Брала мощные аккорды, как гаражный рокер, а в джаз-бэнде такая игра совершенно не катит.

В общем, это было похоже на репетицию балетной труппы, где все степенно выделявают па в пышных пачках и трико, а Эш в сторонке в футбольной форме танцует брейк.

Это продолжалось некоторое время, а когда вступил баритоновый саксофон, Тим попытался вклиниться.

– Эй, Эш, – сказал он. – Детка, мне нравится, как ты играешь. Но давай я тебя поднастрою, чтобы звук был почище.

Эш не ответила и даже не взглянула на него. Но ее щеки залились пунцовым цветом.

Тим начал крутить рычажки на ее гитаре, и в итоге ему действительно удалось настроить инструмент так, что звук получился почище и стал более похожим на джазовый, но... Эш продолжала лупить по струнам, а с джазовым звуком такие агрессивные аккорды звучат, как жалкий комариный писк. Теперь она, как и все, надела балетную пачку и трико, но по-прежнему танцевала брейк.

Я должен был что-то сказать. Но промолчал. Вместо меня

вступился Кори.

– Эй, – заявил он. – Не трогай ее рычаги.

Тим не обратил на него ни малейшего внимания.

Тогда Кори уставился на него так, как иногда смотрят на прохожих большие собаки с крыльца.

– Эй, ты, – повторил Кори, – она не хочет, чтобы ты крутил ее рычаги.

В отличие от Кори я до жути боюсь конфликтных ситуаций. Но все же вмешался. Чтобы поддержать Кори и Эш тоже, но главным образом потому, что этот Тим меня бесил.

– Да, – сказал я. – Да, чувак.

Тим, видно, почуял, что из нас двоих я слабее, и обратился ко мне.

– Думаю, она просто забыла переключиться, – сказал он.

– Угу, – я бессмысленно пожал плечами. И добавил: – Ну... не знаю.

Кори взбесило, что я такой бесконфликтный слабак, и он заорал:

– Да нет же, чувак! Она хочет, чтобы все осталось так, как было! А ты сделал так, что звук теперь отстойный.

– Не болтать, – прокричал Дон. – Люди, имейте уважение.

И мы заткнулись. Во время этой перепалки Эш неподвижно смотрела перед собой и делала вид, будто ничего не происходит. Но после начала играть тише и меньше бить по струнам. Наверное, это помогло, потому что ритм-секция наконец зазвучала отлично. Правда, все напряглись и занерв-

ничали, потому что на одного из нас наорал учитель.

Но вот настал черед Эш играть соло... Во-первых, она заиграла в ми мажоре. Для тех, кто ничего не смыслит в музыке, поясню: если бэнд играет в фа мажоре, а ты вступаешь в ми, получается очень странное и даже зловещее звучание. Как саундтрек к фильму ужасов с участием комиков.

Басист и пианист растерялись. Пианист стал ударять по клавишам наугад; перепуганный басист по-прежнему играл в фа мажоре.

Увидев, что катастрофы не избежать, Дон попытался вмешаться.

– Фа, – выкрикнул он, – Эшли, играем блюз фа мажор!

Но она лишь зажмурилась и продолжила свое соло. Впрочем, это было не джазовое соло. И даже не соло вообще – просто набор резонирующих блюзовых аккордов. В идеале ей бы под бок посадить какого-нибудь седого старикана, чтоб затянул унылую песнь о том, как от него ушла жена и теперь жизнь кончена, он живет на речке и у него нет даже ботинок.

Дон, видимо, решил, что его обязанность – продолжать помогать Эш.

– Теперь ты играешь в си-бемоле, – сказал он. – Дорогая, это си-бемоль. На четыре ноты выше фа.

Но она полностью его проигнорировала, только тихо пробурчала себе под нос что-то неразборчивое, продолжая наяривать дельта-блюз⁷ с закрытыми глазами.

---

⁷ Ранний стиль блюза; называется так, потому что зародился в дельте Мисси-

– Вернись в фа мажор, – приказал он и взглянул на нас, пожимая плечами и качая головой, как будто извинялся за то, что она делала. А мне захотелось влечь ему пощечину или – еще лучше – чтобы откуда ни возьмись появился гигантский ястреб и склевал бы его.

В конце следующего отрывка Дон не выдержал.

– Ладно, – заявил он, – бэнд! Стоп. Хватит, друзья. Эшли? Эй, Эшли. Детка, прекрати, пожалуйста.

Бэнд закончил играть. Эш сыграла еще пару тактов, а потом тоже остановилась. Она сидела молча, опустив голову, и на Дона не смотрела.

– Эй, – тихо и как будто желая ее успокоить, проговорил он. – Что это было? Что только что произошло?

Невыносимая тишина в ответ.

– Ты же знала, что мы играем в фа. Я слышал, как ты играла в фа. Так почему начала соло в ми?

И снова мучительная тишина.

– Дорогая, вопрос не риторический. Не хочу тебя смущать, но мне просто интересно, зачем ты вступила в ми?

– Потому что ей захотелось сыграть свое соло в ми! – почти срываясь на крик, выпалил Кори.

– Ага, – поддакнул я.

– Я не с тобой разговариваю, – обратился Дон к Кори.

– А почему оркестр не перестроился? – спросил Кори. – Разве бэнд не подстраивается под солиста?

– Нет. С тобой я поговорю через минуту. А сейчас хочу услышать Эшли.

– Мне пора, – вдруг выпалила Эш, встала и начала собираться.

У меня возникло впечатление, что она сделала это не из-за чувства стыда. Просто закончила то, зачем пришла (сыграла две трети своего странного соло не в той тональности), выполнила задуманное и теперь решила: можно идти.

Кое-кто из духовиков начал шушукаться.

Дон сделал вид, что пытается остановить ее.

– О, – бросил он, – нет, погоди. Не уходи. Эй, Эшли.

– Бэнд должен был перестроиться под нее, – не унимался Кори.

– Ага, – еще раз поддакнул я.

– Нет, – возразил Дон. – Дорогая, ты уверена, что хочешь уйти?

Она посмотрела на него безо всякого выражения. Точнее, скептически, потому что из-за приподнятых бровей у нее всегда было немного скептическое лицо. Кивнула и открыла дверь плечом.

– Ну ладно, – проговорил Дон. – Иди в другую репетиционную. Повтори основы. И не...

Но дверь закрылась, не успел он произнести свое вдохновляющее напутствие.

– Бэнд должен был перестроиться, – упрямо повторил Кори.

– Ты тоже хочешь уйти? – психанул Дон.

Кори взглянул на Дона, потом на меня, а потом снова на Дона.

– Ага, – ответил он. – Мы оба хотим.

Упс, подумал я.

– У нас дела, к сожалению, – пояснил я.

– Нет, – возразил Кори. – Нет у нас никаких дел. Мы уходим, потому что происходящее здесь – полный отстой.

Я ничего не мог добавить, но попытался как-то исправить ситуацию и сказал:

– Ладно, ладно, ребята.

– Я тебя за дверью подожду, – буркнул Кори и ушел.

Круто, если бы и я мог уйти так же быстро и эффектно. Но мне сперва надо было убрать инструмент. И вот я стал собираться, притворяясь, что делаю резкие движения от злости, хотя со стороны, наверное, казалось, что я просто испугался и спешу поскорее убрать отсюда. Духовики шушукались, а Дон смотрел на меня, главным образом, с жалостью.

– Парень, необязательно уходить, потому что твой друг так велел, – сказал он.

Мне бы ответить на это какой-нибудь колкостью, но я знал, что ситуация неподходящая. Ведь в глубине души я понимал, что мы переигрываем и ведем себя по-идиотски, и на самом деле уходим просто потому, что не хотим во всем этом участвовать.

И еще, само собой, потому, что в деле замешана девчонка.

Глава 7

Мы трое становимся друзьями благодаря шуткам о членовредительстве и играем настоящую музыку

Мы нагнали Эш за пределами здания. Она шла через двор в репетиционную, располагавшуюся в другом крыле. Вид у нее по-прежнему был невозмутимый, лицо кирпичом.

– Парни, вы зачем ушли? – спросила она. – Вы вроде оба нормально играли.

– Затем, что этот чувак вел себя, как дерьмо собачье, – ответил Кори.

– И вообще, не понравилось нам там, – добавил я.

Эш неуверенно кивнула.

– Да весь этот лагерь вызывает у меня только одно желание. Заняться членовредительством, – заявил Кори.

Вообще говоря, посвящать посторонних в наш любимый прикол о членовредительстве небезопасно. Не все его понимают, а кое-кого он даже пугает. Но Эш сразу просекла, в чем юмор.

– Серьезно? – спросила она. – И у меня этот лагерь вызывает желание оттяпать кому-нибудь член.

– Стопудово, – согласился Кори.

– Только учти, – вмешался я, – чтобы вышло эффектно, надо оттяпать штук двадцать сморчков, не меньше. Потому что их в этом лагере слишком много.

Она хрипло, скрипуче рассмеялась, и от звуков ее смеха мое сердце запылало.

– А вы, ребята, реально фанатеете от джаза? – спросила она.

– Ну типа да, – ответил я.

– Не от всего джаза, – добавил Кори.

– От джаза и другой музыки, – сказал я.

Мы оба поняли, что не произведем на нее впечатления, распинаясь о том, как сильно фанатеем от джаза.

– А со мной так, – объяснила она. – Иногда я могу послушать джаз. Но тот джаз, который мне нравится... думаю, люди, которые его играют, никогда не ездили в джазовый лагерь.

– Стопудово, – снова согласился Кори.

– А кто тебе нравится? – спросил я.

– Майлз Дэвис, – ответила Эш.

– Майлз Дэвис суперкрут, – кивнул Кори.

– Майлз Дэвис зверь вообще, – сказал я.

– Если бы Майлза Дэвиса отправили в джазовый лагерь, – рассудил Кори, – в ответ на такое издевательство он стал бы профессиональным террористом.

Она тихонько рассмеялась и над этой шуткой.

– Да он бы просто отсюда сбежал, – добавил я.

– Сбежал и подорвал себя в ближайшем аэропорту, – не унимался Кори.

– Или сыграл где-нибудь концерт, – пытался уговорить его я.

– Сыграл концерт на дымящихся руинах аэропорта, который только что подорвал.

– Ну да. Или сыграл бы в *Village Vanguard*⁸, где дал кучу крутых выступлений.

– Или сыграл бы в ящик.

– Эй, – прервала Эш, видимо, желая, чтобы мы заткнулись, – хотите, вместе что-нибудь забацаем?

– Да не вопрос, – хором ответили мы.

– Но только не джаз, – добавила она, хотя это и так было ясно.

Как я уже говорил, наши предыдущие попытки играть какую-либо музыку, кроме джаза, с треском провалились, поэтому я немного занервничал. И не даром. Потому что мы начали играть, и это было ужасно с первой ноты.

Не знаю, почему, но Кори сел за барабанную установку и тут же задал очень быстрый фьюжн-ритм, в духе *Headhunters* или *Weather Report*⁹. Может, занервничал, а может, вообще ударился в панику и стал действовать сам себе во вред. Усле-

---

⁸ Знаменитый джазовый клуб в Нью-Йорке.

⁹ Американские джаз-фьюжн-группы.

дить за его ритмом было невозможно: он изменялся каждые полтакта. Менялся ритм большого барабана и маленького; зацепиться было просто не за что.

Я сразу понял, что такую музыку будет не прикольно ни играть, ни слушать. Но чисто рефлекторно заиграл собственную басовую партию в духе Джако Пасториуса¹⁰, только хуже. И проще. В ней имелся миллион нот, и никто никогда не смог бы даже предположить, какова же тональность или мелодия у этой песни.

И вот мы с Кори стоим и пилим эту сложную, мудреную, бессмысленную песню. Эш время от времени бесцельно перебирает гитарные струны, но в основном просто стоит, глядя на гриф, как будто ждет, пока загрузится видео.

Где-то через минуту (длившуюся невыносимо долго) она подняла кулак. Мы замолкли.

– Нет, – сказала она. – Так не пойдет.

Мы кивнули.

– Вы что-нибудь попроще сыграть можете?

И мы начали по новой. Ту же песню, только попроще. Но дело в том, что если упростить ритм, который мы играли до этого, то не останется, в общем, ничего. Поэтому вышло еще хуже.

На этот раз Эш даже не пыталась взять аккорд. Просто

---

¹⁰ Знаменитый американский джазовый басист и композитор (1951–1987), придумал собственную характерную манеру исполнения, играл с группой *Weather Report*.

смотрела на нас, вздернув брови и поджав губы.

Через девять тактов она опять нас прервала.

У Кори уже дергалась челюсть, как бывает, когда родители запрещают ему выходить из дома.

– Не ритм попроще, – пояснила она. – Вы сами можете быть попроще, чуваки? Забудьте, что надо играть джаз. Сыграйте что-нибудь простое – совсем простое.

Мы кивнули.

– В ми, – велела она мне. – Не в любой тональности, а в ми, договорились?

Я кивнул.

– Вы просто играйте так, чтобы и мне было где развернуться, окей? – сказала она. – Дайте мне возможность развернуться.

И она принялась наигрывать что-то в очень медленном темпе.

Мы с Кори переглянулись.

Я заиграл самую простую и нехитрую мелодию из всех – по сути, просто дергал одну струну на одной и той же ноте – «ми».

Кори застыл с палочками в руках. Он поднял руки над головой и картинно расслабил кисти – палочки безвольно повисли. Затем приподнял правое колено и начал бить в большой барабан, подыгрывая медленным переборам Эш.

На один счет я дергал струну и играл «ми», на третий заглушал. Вот и вся история. Я просто играл долгую ноту

«ми», а Кори отбивал четвертушки на большом барабане. Собственно, все. Куда уж проще.

Но почему-то это не звучало ужасно.

И мы продолжали. И уж не знаю, как так вышло, но вскоре мы начали звучать очень даже неплохо.

На самом деле, мы стали звучать круто.

Простой ритм действовал гипнотически. Он был немного зловещим и пробирал до костей. Эш, казалось, чувствовала себя совершенно в своей стихии и ждала, пока мы втянемся. Она просто стояла без улыбки, слегка кивая, а мы отбивали ритм, как одержимые или загипнотизированные заклинателем змей.

Потом без предупреждения Эш прибавила громкость и сыграла «ми». Нота прозвучала звонко и резко, и она протянула ее целых два такта.

Кто-то вскрикнул:

– О!

И мы начали играть.

Я не стану вдаваться в подробности. Потому что словами невозможно донести всю крутизну случившегося. Скажу лишь, что мы играли три с половиной часа и звучали невероятно.

Не знаю, как бы вы назвали эту музыку – рок, блюз, панк или как-то еще. Наша музыка была гораздо проще, гораздо ближе к земле, чем все перечисленное. В ней было что-то

от Майлза Дэвиса в середине карьеры, что-то от *Ramones*, Джона Ли Хукера и *AC/DC*. Немного от Джеймса Брауна и *Talking Heads*. Местами она напоминала *Sleater-Kinney*, а некоторые моменты смахивали на *Cat Power*, но все эти сравнения на самом деле не передают нашего звучания должным образом.

Суть была в том, что мы просто сыгрались. Слились в одно целое. Вместе затихали и вместе разгонялись, словно не могли не играть в такт. И я все время точно знал, что делать, будто слышал ноты до того, как они зазвучат; по правде говоря, все это время я ужасно боялся, что этому придет конец и магия вдруг кончится, но нет. Она не кончилась.

Примерно час мы просто играли без плана и мелодии, а потом Эш показала нам основные аккорды песен, которые сама сочинила. Слова у песен были замороченные, в духе психоделических альтернативщиков 90-х типа *Ween* и *King Missile*, а некоторые напоминали задушевный разговор не в рифму, вроде песенок Кортни Барнетт. Названия песен у Эш тоже оказались зашибенные, круче, чем у *Ween*:

У Бога нет мыслей

Окраина бездны

В гостях у Венди только мертвяки и роботы

Деревья сожрали моего отца, часть 1

Любовная чума

Секс с тобой – отстой

Конкурс акул

У оборотней тоже бывает ПМС

Мне сказали – «ты то, что ты ешь», и я съела Роджера Федерера¹¹

И мое любимое:

Если ты так любишь своего пса, почему бы тебе не переспать с ним

Эш подключила микрофон к гитарному усилителю и запела. Она звучала так, будто взяла свой старый голос и вставила в него новые батарейки. Он проникал в самую душу. Это был голос девушки, которой все по барабану, голос, способный приручить медведя. С ним был уже неважен смысл, потому что даже без слов становилось ясно, о чем она поет. Бас и гитара глухо и искаженно дребезжали: мы врубили усилители выше пределов допустимой мощности. Кори в основном бил в большой и теноровый барабан, а тарелки использовал только при крайней необходимости. В результате получался глухой мягкий топот – типа такого, какой мог бы издавать самый страшный кролик на свете. Я знаю, что мои описания никуда не годятся. Но мне все равно. Потому что именно так это и звучало. Словно военный марш элитного подразделения кроликов-гигантов с черными наглазными повязка-

---

¹¹ Швейцарский теннисист.

ми. Кролики ехали на войну верхом на медведях, но потом оказалось, что вместо боя их всех ждала крутая вечеринка.

Эш подвесила свой телефон к потолку на шнурке и записала нашу репетицию. Она длилась три с половиной часа, и между песнями мы с Кори боялись даже открыть рот. Это было невероятно. Потом мы вышли в коридор, сдерживая желание запрыгать до потолка.

Кажется, именно в тот момент я понял, что Эш стала одной из нас.

УЭС (ударив кулаком в стену): Воу!

КОРИ (ударив себя): Воу.

ЭШ: Ну ваще, ребят.

КОРИ: Воооооуууу!

УЭС: Я сейчас скажу ужасную вещь, но у меня такое чувство, будто мы втроем только что занимались сексом три часа.

КОРИ: Никогда больше не буду играть джаз.

ЭШ: В жопу джаз!

УЭС: Продолжать играть джаз на уровне школьного джаз-бэнда было бы ужасной ошибкой.

КОРИ: При одной мысли о том, что мне еще две недели придется играть джаз с индюками из этого лагеря, головка моего члена втягивается внутрь, как голова черепахи.

(Напряженное молчание. Кори снова ударяет себя в грудь.)

ЭШ: Я еще ни разу не играла свои песни с группой, между прочим.

КОРИ: Не может быть!

УЭС: Да ты что?

ЭШ: Просто не с кем было.

КОРИ: Да иди ты! Не верю!

УЭС: Хочешь сказать, что никогда не слышала «Деревья сожрали моего отца» в групповом исполнении?

ЭШ: Ну да. То есть я пыталась однажды сыграть эту песню с сестрой на пианино, но это не считается.

КОРИ: На пианино наверняка был отстой.

ЭШ: Отстойный отстой, я тебе скажу.

УЭС: Эта песня может неплохо звучать на гитаре и пианино, если у твоей сестры определенная манера игры, но похоже, что нет.

ЭШ: Она играет на пианино, как Билли Джоэл в варежках и с сотрясением мозга.

УЭС: Ооооооо.

КОРИ: Реальный отстой.

(Все молчат и думают о другом.)

(Молчание становится напряженным.)

(Молчание начинает давить на нервы, но тут у Уэса наконец срабатывает рефлекс, и он решает добавить ложку дегтя.)

УЭС: Ну так...

КОРИ:?

ЭШ:?

УЭС: Я вот что хочу сказать...

КОРИ (начинает злиться):?

ЭШ:?

УЭС: Мы что, реально так круто играли, как мне показалось?

КОРИ: О, блин, Уэс.

УЭС: Что?

КОРИ: Да какого хрена ты вообще это сказал?

УЭС (тараторит, как маньяк): Ну... я просто хочу быть морально готовым на тот случай, если прослушаем запись и выяснится, что мы наивные идиоты... то есть... ну, мы реально круто сыграли, но вдруг окажется, что это не так?

КОРИ: Немедленно заткнись.

УЭС: Окей.

КОРИ: Сейчас же заткнись, или я сделаю с тобой что-то ужасное.

УЭС: Окей, но давайте, может, просто послушаем и убедимся...

КОРИ: Нет.

УЭС: А?

КОРИ: Нет. Нельзя слушать запись, когда сомневаешься.

УЭС: Ммм.

КОРИ: Послушаем, когда не будем бояться, что возненавидим это.

Мне было нелегко такое слышать. Потому что в глубине души я уже готовился ненавидеть нашу музыку, отыскав в ней кучу изъянов. Но, видимо, Кори чувствовал то же самое. Ведь он был еще большим придирой, чем я.

Мы так и не пришли к согласию, но, к счастью, вмешалась Эш.

ЭШ: Послушаем после ужина.

УЭС: Да, точно.

КОРИ: А что на ужин, кстати?

Глава 8

Кори в буквальном смысле съедает язык, а Эш узнает, что такое «Гарфанкел»

На ужин в лагере Билла Гарабедяна «Джазовые гиганты будущего» предлагали несколько видов пареного мяса и овощей, которые выглядели так, будто их уже кто-то ел. И вкус у них был такой же. В самом дальнем углу можно было взять макароны. Кори наполнил тарелку соусом и стал пить его, как суп.

Поначалу мы сидели молча, не притрагиваясь к отвратительной кормежке. Глядя на других ребят из джазового лагеря, чьи позы отражали лагерную иерархию (альфа-самцы развалились, широко расставив руки и ноги; бета-самцы наклонились к столу и важно обсуждали Очень Серьезные Вопросы; гамма-самцы понуро слонялись по столовой), наша тройца втайне торжествовала.

Мы чувствовали себя несоразмерно круче этих ребят, которым не хватило решимости устроить скандал и уйти с репетиции просто так, без причины.

ЭШ: О боже мой, не еда, а блевотина какая-то.

УЭС: Эти цукини как будто кто-то сначала облизал и только потом выложил на блюдо.

(Эш снова смеется, и минуту Уэс не может даже пошевелиться от счастья.)

КОРИ: А суп нормальный, только помидоров слишком много положили.

УЭС: Кори, это соус для спагетти.

КОРИ: Нет, это суп.

УЭС: Ты его взял там, где стояли макароны.

КОРИ: Макароны и супы. Там были макароны и супы.

УЭС: Хм.

УЭС: М-да.

ЭШ: Ребят, а вы не хотите что-нибудь другое на ужин?

(Тишина, из которой следует, что Кори и Уэс даже не рассматривали такую вероятность.)

КОРИ: Еще как хотим.

УЭС: Может быть, пиццу?

ЭШ: А я думала, суши.

Мы еще раз поужинали в суши-баре, куда нас отвезла Эш. Она же заплатила за суши, и так мы узнали кое-что про нее. Во-первых, у Эш была машина. Громадный черный и, судя по запаху, новый внедорожник, больше похожий на авто из проката, чем на то, которое люди используют ежедневно. По крайней мере, на машину моих родителей она точно не походила. Никаких волос и крошек неизвестного происхождения

на сиденьях или залежей грязных бумажек и палок под ногами. Ничего не валяется, все на ощупь прохладное и гладкое, как кожа инопланетной ящерицы.

Еще мы узнали, что у Эш имелась целая стратегия заказа суши:

– Нужно купить пиво суши-мейкеру.

– И сказать ему волшебное слово.

Это было слово *омакасэ*, что в переводе с японского означает «приготовьте мне что-нибудь». Оказалось, если сказать это повару после того, как купишь ему пиво, он сделает феррические суши. Я понятия не имел, что он в них добавил, но вкус был первоклассный. Эти суши даже трудно назвать едой. Скорее, рыбным искусством. Там был маленький вулканчик из рыбы и пруд из водорослей с опускающимися в него маленькими рыбными ступеньками и расходящимися кругами на воде. А потом нам подали морского ежа.

Морской еж по-японски будет *уни*, и он очень похож на человеческий язык, только оранжевого цвета и с увеличенными вкусовыми почками. Большой язык, корочка. Эш одним махом заглотила свою порцию. Я отправил ежа в рот, стараясь не думать о том, как он выглядит, и у меня даже получилось насладиться вкусом. Тот немного напоминал морскую воду и бургер. А вот Кори уставился на свой язык с нескрываемым ужасом.

Суши-мейкеры заржали.

– Ха-ха-ха! – закричал один из них. – Ешь!

Тут у нас с Кори возникло ощущение, что все это происходит не с нами. Будто это была уже не наша жизнь, а чья-то другая, каких-то более крутых ребят. Но Эш не спешила распространяться о том, как стала такой крутой.

УЭС: Откуда ты знаешь столько про суши?

ЭШ: Да не так уж много я знаю. Пробовала пару раз.

КОРИ: А откуда у тебя такая клевая тачка?

ЭШ: Это мамина.

КОРИ: А почему ты на ней едешь?

ЭШ: Не знаю, ей она не нужна.

КОРИ: У нее не все дома, что ли? Тачка улет.

УЭС: А ты вообще откуда?

ЭШ: Из Нью-Йорка. А вы, ребята?

УЭС: Э-э-э... из Питтсбурга.

КОРИ: А твои предки? Тоже из Нью-Йорка?

ЭШ (пожав плечами): Из разных мест, а ваши?

Вскоре мы поняли, что ей не очень нравится говорить о себе и она переводит стрелки на нас. Кончилось тем, что мы все про себя выложили.

КОРИ: Мой папа еврей, а мать ирландская католичка.

УЭС: Мы из школы Бенсон. Обычная такая школа, примерно две тысячи учеников.

КОРИ: Бекка, моя старшая сестра, заставила предков за-

вести двух кошек.

УЭС: Школа государственная, в жутком районе, так что с бюджетом у них напряг, сама понимаешь.

КОРИ: Одну кошку зовут Рыба, и у нее кошачий СПИД. Серьезно.

УЭС: Например, кафедре физкультуры так не хватает финансирования, что один из уроков у нас называется «бег по улице», то есть физкультурник реально заставляет нас бегать по улице.

КОРИ: Уэс – приемный ребенок.

УЭС:

ЭШ:

КОРИ: Он не любит об этом распространяться, но его имя и внешность говорят сами за себя.

УЭС: Вообще-то могут быть и другие объяснения, почему я так выгляжу, но ладно.

ЭШ (решив проигнорировать эту информацию): Так вы, ребят, значит, много вместе играете, да?

(Кори и Уэс начинают кивать, но быстро прекращают.)

КОРИ: Только в джаз-бэнде. А так не особо.

УЭС: Мы в основном слушаем музыку, а не играем.

КОРИ: А еще иногда играем в игру. Называется «Гарфанкел».

ЭШ: Не слышала о такой игре.

КОРИ: Неудивительно, ведь мы ее сами придумали.

Короче. За название игры надо, конечно, отвалить Гарфанкелу¹². Но суть в том, что это самая крутая игра в мире. Простая и незамысловатая. Заключается в том, что ты ставишь песню, а другой человек (или люди) должны угадать, кто это. Не название песни, а имя исполнителя или группы. Вот, собственно, и все. Опытные игроки в «Гарфанкела» выбирают песни с подвохом – вроде бы известных исполнителей, но такие, которые никто никогда не узнает. На самом деле даже у новичков обычно хорошо получается играть в эту игру.

Если угадываешь с первой попытки, получаешь пять очков, со второй или третьей – три очка, а если угадал только к концу песни – одно очко. А если вообще не угадал, очко достается другому. Есть еще один способ набрать очки: поставить вторую песню того же исполнителя или группы, и если твой оппонент угадает, он получает одно очко, а если нет – ты получаешь три. Выигрывает тот, кто набрал пятнадцать очков, или можно играть до посинения, как мы с Кори. На данный момент он набрал 2063 очка, а я – 1849. Прошлым летом мы проверяли друг друга на знание классических композиторов-модернистов. Это была эпическая битва с кучей спорных моментов. Я до сих пор не отошел.

Если выбрать музыканта, о котором другие игроки даже не слышали, очки не засчитываются. Поэтому играть надо

---

¹² *Гарфанкел, Артур Айра* – американский певец, актер, путешественник. В 50–70-е годы выступал в составе знаменитого дуэта *Simon & Garfunkel*.

честно, ведь если никак не можешь угадать, можно сжульничать и соврать: о, простите, в жизни не слышал какую-то Карли Саймон или *Mobb Deep*¹³, а кто такой Брамс, знать не знаю.

Наверное, главное доказательство нашей с Кори дружбы – то, что нам никогда не приходило в голову обвинить друг друга в нечестной игре.

ЭШ: А вы других в свою игру берете?

УЭС: Ну... пытались.

КОРИ: В эту игру можно играть только с теми, кто так же хорошо разбирается в музыке, иначе неинтересно.

(Эш заглатывает морской гребешок и показывает на телефон Кори.)

ЭШ: А ты испытай меня.

Учтите, у нас за плечами был многолетний опыт игры в «Гарфанкела». К тому же, мы придумали эту игру. Поэтому считались настоящими ее мастерами.

И первые попытки Эш – *Run-D.M.C.*, *Jesus and Mary Chain* – были, прямо скажем, жалкими. Мы вмиг ее разбили.

Но вскоре стало ясно, что она ничуть не хуже нас.

Сначала подбросила нам пьесу Эрика Сати в аранжировке Гари Ньюмана. Затем трек, похожий на гавайскую народную музыку – а оказалось, *The Strokes*. И совершенно добила

---

¹³ *Mobb Deep* – рэпперский дуэт из Куинса.

нас балладой *Jonas Brothers*¹⁴ – кто вообще знал, что у *Jonas Brothers* есть баллады? Угадывать Эш тоже умела. Например, она распознала сольный номер Стюарта Коупленда¹⁵. *Baha Men* угадала с первой попытки. Правда, оказалось, что она никогда не слышала о Хэнке Мобли¹⁶, что довольно странно для человека, приехавшего в джазовый лагерь, но мы не стали допытываться и двинулись дальше.

Два часа мы ставили треки на ее телефоне, жевали арт-суши и выкрикивали названия групп и музыкантов. Помните, я говорил, что когда мы вместе репетировали, это было круто? Так вот, сидя в этом суши-баре и играя в «Гарфанкела» с Кори и Эш, я ощущал себя таким довольным и счастливым, что не совру, сказав, что это был крутейший момент во всей моей жизни.

Просто на эти два часа я стал человеком, который у себя самого не вызывал отвращение, а моя жизнь наконец перестала казаться отстоем, понимаете? Не знаю. Наверное, это звучит глупо.

Что до Кори, тот так распалился после того, как Эш угадала трек *Baha Men*, что схватил ежа голыми руками и проглотил его, не жуя.

– Морской язык! – торжествующе прокричал он.

---

¹⁴ Американская поп-группа, снимались в сериалах и фильмах *Disney*. Группа была образована, когда ее участникам, братьям Джонас, было по 13–18 лет.

¹⁵ Барабанщик *The Police*.

¹⁶ Американский джазовый тенор-саксофонист и композитор (1930–1986).

– О да, – хором воскликнули оба повара.

Потом Кори вскочил и побежал в туалет блевать, а я запаниковал и бросился за ним – подумал, что у него острая аллергическая реакция и он сейчас откинется. Но оказалось, он реально подумал, что это был чей-то язык.

Глава 9

Возвращение в джазовую тюрьму

Итак, если бы вы сейчас не читали книгу, а смотрели документальный фильм по телеку, то в этой части раздалась бы зловещая музыка и голос за кадром тревожно произнес:

«Вечером в понедельник, 13 июня Эш, Кори и Уэс кайфовали. Они только что сыграли лучшую музыку в своей жизни и пообедали роскошными деликатесными суши. Но они не знали о том... что впереди их ждет... опасный поворот. Дело в том, что их собирались арестовать и бросить в джазовую тюрьму».

Ну ладно. Чисто технически это не так, ведь джазовых тюрем не бывает. Но если бы такая тюрьма существовала, нас отправили бы именно туда.

На парковке общежития на нас накинулся разгневанный Расселл, учитель басистов. Мы как раз выходили из машины.

– Так не пойдет, ребята, – отчитал нас он. – Так не пойдет.

Оказалось, нам нельзя покидать территорию лагеря без взрослых. Но тогда почему мы так легко сумели выбраться отсюда? На этот вопрос у Рассела не было ответа.

– Я не хочу ссориться, – сказал он чуть громче, чем на-

меревался. – Но должен доложить об этом, понимаете? Мне очень жаль. Не хочу быть похожим на надзирателя... Я ведь музыкант, как и вы. Но у меня просто нет выбора. Надеюсь, вы понимаете.

Я смущенно кивнул. Кори кивнул угрюмо. А Эш смерила Расселла взглядом с головы до ног.

– Нет, – выпалила она, – я не понимаю.

Ее слова зарядили воздух безумным напряжением.

– Ты не понимаешь, – повторил Расселл.

– Не понимаю.

– Не понимаешь, значит.

– Нет.

– Ты не понимаешь, почему мне нельзя отпускать несовершеннолетних за территорию лагеря и за пределы лагерной юрисдикции, чтобы те просто бегали, где им вздумается?

– Я совершеннолетняя. Мне девятнадцать.

– О. Ну ладно. Во-первых, в девятнадцать ты не можешь считаться взрослой. И во-вторых...

– Могу. По закону я взрослая.

– Да бог с ним, с законом, ты что, серьезно? Взрослая в девятнадцать? Извини. Но это не так. Во-вторых – дай закончить – во-вторых, ты утверждаешь, что если что-то случится с этими ребятами, ты будешь за это отвечать? Если, например, одного из них собьет машина, а второго... не знаю... ну, допустим, крыша у него поедет и он решит вступить в бродячий цирк, ты будешь за это отвечать?

– А такое уже было? Что, много народу сбежало из лагеря и вступило в бродячий цирк?

– Ты тут не умничай. Я к тому, что мы за вас отвечаем, и ты думаешь, это легко? Легко вас муштровать, легко отвечать за вас... думаешь, нам это так нравится?

– Вряд ли это вам нравится. Мне вообще кажется, вы мечтаете, чтобы все это поскорее закончилось.

Расселл молча вытаращился на нее. А потом улыбнулся – устало, словно не хотел больше спорить.

– Ну ладно. Думаю, пора отвести тебя к Биллу, чтобы он с тобой поговорил.

– Как скажете.

– Если тебе не нравятся занятия, это к нему.

– Как скажете.

– Пошли, – бросил он и повернулся.

– Мы тоже пойдем, – услышал я собственный голос.

Расселл обернулся и взглянул на меня: мол, а тебе-то это зачем? Я тоже уставился на него.

И попытался придать лицу непокорное выражение, ведь именно этого требовали обстоятельства. Но еще мне хотелось донести до Расселла, что я понимаю: работа у него не сахар, и мне вовсе не хочется быть по отношению к нему козлом. То есть одновременно я пытался сделать извиняющееся лицо.

Расселл пристально взглядывался в мои черты, но понять, что они выражали, становилось все труднее и труднее с каж-

дой секундой.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

– За меня не переживайте, – отмахнулся я, все еще пытаюсь сделать два совершенно несовместимых выражения лица одновременно.

– У тебя что-то с лицом, – заметил он.

– Да нет же.

– Что-то в глаз попало?

– Оставайтесь здесь, ребят, – сказала Эш. – Не надо со мной идти.

– Уверена? – спросил я.

– Ага, – ответила она и улыбнулась краешком губ.

– Окей, – сомневаясь, сказал Кори.

– Пойдемте, поговорим с Биллом, – обратилась она к Расселлу.

И они ушли. А мы с Кори направились в корпус вдвоем.

В общей комнате было полным-полно ребят. Но никто не хотел разговаривать с нами, кроме Тима – того самого придурка-гитариста.

– Да вы, ребята, такую бучу устроили, – Тим пытался понизить голос минимум на октаву, чтобы тот звучал солиднее, чем на самом деле. – Особенно дамочка.

Кори просто ускорил шаг и вышел из комнаты.

– Покурим? – обратился Тим ко мне, крутя между пальцев

сигаретную пачку на манер фокусника. Он ее чуть не уронил.

И не успел я опомниться, как очутился у пожарного выхода из общежития, где в течение пятнадцати минут смотрел, как Тим курит одну сигарету за другой, и слушал его разглагольствования о том, как все устроено. Бархатистым голосом черного джазмена он рассказывал про Эш в частности и женщин в целом, и о том, как вечно западает на чокнутых, на девчонок с огоньком, и бывает, что пламя разгорается медленно, а бывает – вспыхивает мгновенно. И что таким девчонкам очень нравится тобой понукать, но еще больше нравится, когда ты показываешь характер и начинаешь сам понукать ими.

– Такие без ума от настоящей мужественности, майн фронд, – подытожил он, – и это единственное, что может заставить их перестать командовать.

С этими словами он глубоко затынулся, усмехнулся и посмотрел мне в глаза. Наверное, пытался каким-то образом вызвать лукавый блеск в своих собственных. Но вышел прищуренный, напряженный взгляд, как у человека, который хочет пукнуть или сидит на горшке.

До этого момента я вежливо поддакивал его болтовне. Но услышав «майн фронд», понял, что больше не могу молчать.

– Майн фронд? – повторил я, даже не зная, как сформулировать свои претензии к этому выражению. Все, что мог – это повторять его снова и снова. – Фронд? Фронд... фронд.

– Фронд. То есть друг, – пояснил Тим.

– Ага. Но... но Тим. Кто вообще так говорит?

– Народ, известный под названием германцы, майн фронд.

– Хм. Ладно, допустим. Только не германцы, а немцы. Это во-первых. Во-вторых, если я правильно помню из уроков немецкого, все-таки *фройнд*, а не фронд.

– Ф-Р-О-Й-Н-Д? Так пишется. А произносится фронд.

– Нет. Произносится тоже *фройнд*.

– Все зависит от диалекталь... ности.

– От диалекта. Но нет. Ни в одном диалекте нет слова *фронд*.

– Позволь не согласиться.

– Тим. Друг по-немецки будет *фройнд*. Всегда и везде. А еще насчет женщин ты неправ. Женщины терпеть не могут, когда ими понукают. В этом основная причина существования такой штуки, как феминизм. И вообще, чувак, не советую тебе так разговаривать.

Тим по-прежнему улыбался, но после этих слов у него глаз задергался. Хотя может, он просто моргнул.

– Как так? – спросил он.

– Ну так, неестественно, как будто каждым словом хочешь напомнить окружающим, что играешь джаз, и доказать, что ты не просто обычный белый паренек из семьи ортодонтонтов, живущий в пригороде.

Вот теперь он перестал улыбаться, его лицо вытянулось и помрачнело. Но меня уже было не остановить.

– Не пытайся разговаривать, как черный. Ведь, если по чесноку, именно это ты и делаешь. Косишь под негра. Лучше прекрати. К тому же, ты делаешь все неправильно. Что за «майн фронд», чувак?

Я смотрел на него. А он на меня.

Потом произнес:

– Ну, знаешь ли, так разговариваем я и мои братья из Южной Филадельфии. И у них никогда не было ко мне претензий. Но если у тебя какие-то претензии ко мне, чувак... – он медленно закивал, – тогда я должен тебя поблагодарить. За то, что высказал, что у тебя на уме.

– О, – опешил я и тут же почувствовал себя усталым и измученным.

– Когда человек с другим цветом кожи высказывает мне, что у него на уме, это помогает мне расти.

– А... ладно.

– Помогает понять, как я должен себя вести среди вас.

– Ага, – кивнул я. Необходимо было закончить этот разговор как можно скорее, чего бы это ни стоило.

– Ну сам посуди, брат. Если задуматься, язык – такой мощный инструмент.

– Это так. Он действительно мощный. Послушай... мне пора. Но... в общем, круто поговорили.

– Да брось, чувак. Постой со мной еще минут пять. Мне так нравится с тобой перетирать. Язык. Подумать только.

– Да, но... мне срочно нужно позвонить. Хорошо погово-

рили, короче.

– Ладно, но потом обязательно найди меня, окей?

– Не вопрос. Найду.

– Ведь это, чувак, и есть *настоящее*.

Разговор с Тимом изначально ничего хорошего не предвещал. Но лучше бы он на меня разозлился и сказал – да пошел ты! Не указывай мне, как разговаривать. Ведь именно так все и должно было быть. Я вел себя с ним, как полный козел. Но он – белый, а я, само собой, нет, и в итоге все обернулось, как обычно в разговорах между мной и белыми людьми. В таких ситуациях просто не знаю, что делать.

Я был в таком раздрае, что вернулся в общую комнату и просто стоял там, пока другой чувак втирал мне что-то десять минут. Чуваком оказался Стив, хвостатый басист из другой ритм-секции, и на этот раз беседа прошла чуть более нормально. Стив подробно рассказал мне о своих плюсах и минусах в пинг-понге.

– Все мои слабости только в голове, – заявил он. – То есть, если я буду играть сам с собой, мне вообще не выиграть.

Где-то в полночь нам с Кори пришло сообщение.

Встречаемся на парковке в 2. Не шумите. Возьмите тряпки.

Мы поняли, от кого оно. Но не поняли, что Эш имела в виду под тряпками. А когда попросили разъяснить, она не ответила.

Я решил, что «тряпки», наверное, означает сменную одежду. Кори подумал, что речь о тряпках для уборки. Поэтому мы захватили и то и другое.

Увидев нас, она улыбнулась. Такой улыбки у нее я еще не видел.

КОРИ: Ну, что случилось-то?

УЭС: Ага, что сказал Билл?

(Эш поводит плечами.)

УЭС: Тебя вытурили?

(Что-то невнятное мелькает в ее взгляде, но тут же гаснет.)

ЭШ: Угу.

УЭС: Черт.

КОРИ: Вот козел!

ЭШ: Тихо, заткнитесь. Не шумите.

КОРИ: Я просто зол, как черт!

УЭС: Кори, заткнись!

ЭШ: Да не парьтесь вы. Я не оставила ему выбора. Если бы он меня не выгнал, то выглядел бы полным слабаком. Но слушайте...

(Она подзывает нас ближе и говорит шепотом.)

ЭШ: Короче, ребята, домой я не поеду. Я еду в турне.

КОРИ:?

УЭС:?

ЭШ: Выдвинусь на юг и буду искать места, где можно иг-

рать. И думаю, ребята, вам стоит поехать со мной.

Она произнесла эти слова, и тут я понял: ни фига она не одна из нас. Эш вообще другая.

– Мне кажется, из нас выйдет крутая группа, – прошептала она. – Но если вы останетесь, ничего не получится. Летний лагерь – не то место, где группы становятся крутыми.

Под «другой» я имел в виду, что она действительно была взрослой, что бы там ни говорил Расселл. А мы – нет. Вот в чем заключалась основная разница между нами.

– Дорога – вот где появляются крутые группы. Только в пути можно понять, кто ты такой. Будем играть для разных людей, набивать синяки, набираться опыта. Мне кажется, если мы это сделаем, у нас есть шанс стать великой командой.

Взрослым становишься, поняв, что тебе не нужно чужое разрешение, чтобы что-то сделать. Эш вела себя именно так. Мы – нет.

– Вот только выдвигаться надо прямо сейчас. Надо пролезть в репетиционную, загрузить инструменты в машину и срываться как можно скорее.

Ну сами посудите: мы с Кори не смогли даже самостоятельно отказаться играть в джаз-бэнде. Нужно было встретить Эш, чтобы это произошло. В моей голове мелькали миллионы мыслей в минуту, рот наполнился слюной, а сердце пылало и трепетало.

– Ну что, ребята, хотите поехать со мной? – спросила Эш.

Кори кивал. Да что с ним такое, подумал я? А потом вдруг понял, что тоже киваю.

В репетиционной никого не оказалось. Мы быстро погрузили инструменты. Кори и я находились в таком возбуждении, что постоянно врезались в стены и дверные рамы своими барабанами и усилителями и громким шепотом чертыхались. Но никто нас не слышал, а если и слышал, им было все равно.

На месте барабанной установки Кори в репетиционной «Г» мы оставили записку:

УЕХАЛИ В ТУРНЕ
ВЕРНЕМСЯ К КОНЦУ СМЕНЫ
Э., К., У.

А потом Эш положила рядом с запиской свой телефон.

– Кидайте сюда свои телефоны, – велела она.

– Что? – не понял Кори.

– Я все обдумала, – ответила она, – мне кажется, телефоны брать не надо.

Я вдумчиво нахмурился и сделал вид, что обмозговываю эту безумную и ужасную идею.

– Что? – наконец произнес я.

– По телефону нас могут отследить, – объяснила она. – Через пару дней, если нас действительно захотят найти, по телефону это легко можно будет сделать, и за нами приедут, не сомневайтесь. И все, конец турне.

Кори согласно закивал.

– А еще, если мы оставим телефоны, это будет как в прежние времена. Будем колесить по стране, как настоящая олдскульная команда. Мне кажется, так правильно.

– Согласен, – отозвался Кори и положил свой телефон рядом с ее.

Эш взглянула на меня.

– Ух, – выпалил я.

Она ждала, пока я скажу что-нибудь еще.

– Ну да, конечно, но не кажется ли вам, что нужно взять хотя бы один телефон...

– Нет, – ответила Эш.

– ... чтобы смотреть на нем карты или типа того... без телефонов мы сразу заблудимся. Я думаю...

– Никаких телефонов, – отрезала Эш.

– ... ну ладно, если ты так уверена, но... Мы даже не сможем никому позвонить или связаться с клубами, чтобы договориться о выступлениях... да мы ничего не сможем! Слушать музыку. Играть в «Гарфанкела»! И еще кучу всего, мало ли что понадобится.

– А я что-то не слишком беспокоюсь по этому поводу, – бросила Эш.

– Ладно, вот только без телефонов нам будет гораздо сложнее... намного сложнее, понимаете?

Как только я это произнес, до меня дошло, что в этом как раз смысл всей затеи. Чтобы было сложнее.

– Так в этом весь смысл, – ответила Эш.

Нас никто не остановил. Кажется, в лагере не было ни одного бодрствующего человека. Все прошло так легко, что мне даже стало страшно.

– А зачем вы тряпки притащили? – спросила Эш, выезжая с парковки.

ХЕЙТЕРЫ ЛЕТО НЕНАВИСТИ МИРОВОЕ ТУРНЕ 2016

14 ИЮНЯ • 17.30 • НОКСВИЛЛ, ТЕННЕССИ

«ИДЕАЛЬНЫЙ ВКУС»

Глава 10

Воздушный конь

К трем часам мы добрались до границы Пенсильвании и Мэриленда. Я все еще пытался свыкнуться с тем, что теперь у нас нет телефонов.

– Так какой у нас план, еще раз? – спросил я. – Мы просто едем на юг и все?

Не глядя на меня, Эш кивнула.

– И заявляемся во все клубы без звонка?

– Куда-нибудь пустят, – пожалала она плечами.

Некоторое время мы молча обдумывали ее слова.

– У предков Кори приступ паники случится, когда они узнают, что он слинял и не взял с собой телефон, – заметил я.

– Ничего с ними не случится, – проорал Кори с заднего сиденья. Кажется, он разозлился. Я пожалел, что приплел его предков, но это была правда: приступ паники им обеспечен, не исключено, что со смертельным исходом.

– Ну не знаю насчет «ничего»... – ответил я.

– Им надо научиться относиться ко всему поспокойнее, – сказал Кори.

– А что не так с его предками? – пробормотала Эш, не отводя взгляда от дороги.

Она ехала со скоростью от 115 до 140 километров в час и

совершенно не парилась, обгоняя справа.

– Ну... они слишком приставучие, – наконец ответил Кори.

– Не хотят признать, что теперь ты сам можешь за себя отвечать, да? – предположила Эш.

– Точно. То есть... да.

– Отлично. Тогда тебе просто нужно поставить их перед фактом.

– Ну... то есть да. Я знаю.

– Именно это ты сейчас и делаешь. Берешь на себя ответственность за свою жизнь. Судя по всему, впервые.

– Да, да, я знаю. Поэтому и сижу в этой машине без телефона.

– Они никогда не разрешат тебе сделать это просто так. Они управляли твоей жизнью с самого начала, и это заставляет их ощущать свою важность.

– Да, да, да, – пробормотал Кори, пытаюсь прекратить этот разговор. – Все так.

– А твои родители тоже такие, Эш? – спросил я.

– Моим уже давно плевать, чем я занимаюсь, – ответила она.

– Круто, – сказал я.

Повисла тишина.

– Они умерли? – спросил Кори.

– Нет, – ответила Эш.

Тут я инстинктивно потянулся за телефоном, которого не

было. В последующие дни мне предстояло повторить этот жест еще несколько тысяч раз.

Эш заметила и, кажется, улыбнулась.

К четырем утра мы въехали в Виргинию и принялись обсуждать название нашей группы.

Эш хотела, чтобы мы назывались «Эш Рамос 3».

– Какое-то скучное название, – заметил я.

– Ничего не скучное, – возразила Эш, – а классическое.

– Угу, – кивнул я, – классическое, да, но проблема в том, что оно незапоминающееся. Это просто твое имя и количество участников группы. Название группы должно быть таинственным, чтобы люди задумались – ого, а это что вообще значит?

– Согласен, – выкрикнул Кори с заднего сиденья.

– Можно просто «Эш Рамос», – предложила Эш.

– Нет, нет и еще раз нет. Нужно нормальное название.

Причем такое, чтобы человек, который никогда не слышал о группе, услышал название и сразу подумал – оооо, ничего себе, надо срочно пойти выяснить, кто это такие!

– Ну так придумайте.

Я знал, что нам когда-нибудь предстоит придумать название группы, и был к этому готов, но притворился неготовым, потому что так выглядело эффектнее.

– О боже. Хм... ну и задачку ты задала. Что бы придумать... ну вот, например... ага! Как вам «Воздушный конь»?

– Нет.

Я немного оторопел, как быстро она отмела моего «Воздушного коня».

– погоди, – попытался я урезонить ее, – серьезно? Ты просто подумай. «Воздушный конь». Звучит, а?

– «Воздушный конь» не годится.

– Кори, а тебе как «Воздушный конь»? Нравится?

Но Кори, видимо, заразился ее мгновенной неприязнью к «Воздушному коню».

– «Воздушный» еще ничего, – с сомнением протянул он, – но «конь»... не знаю. Не люблю песни про лошадей.

– Ладно, – смирился я. – Ты прав, песни про лошадей никто не любит.

– Помнишь группу *Band of Horses*?¹⁷ Слышишь название, и сразу кажется, что все участники группы – лошади, а вокалист ржет как конь, вместо того чтобы петь. Ужас. Даже думать противно. Полный отстой.

– Ладно. Идиотизм, согласен. Но Эш, неужели тебе не захочется сходить на концерт группы «Воздушный конь»?

– Не-а, – отрезала Эш. – Послушай. Вот как я себе представляю группу с таким названием. Два бледных бородатых чувака в обтягивающих джинсах. Оба играют на доисторических синтезаторах и поют фальцетом. А в их репертуаре баллады в стиле 1980-х о том, что никто им не дает, потому что они слишком ранимые.

С этого момента я уже не мог иначе представлять себе

---

¹⁷ Буквально «Группа лошадей» (англ.).

участников группы «Воздушный конь».

– Не-е-ет, – неуверенно запротестовал я. – Ты что, серьезно?

– Ага, – кивнула Эш. – «Воздушный конь»? Ну правда, закрой глаза. Представил? Вот же они, два чувака из 1980-х. У одного курчавые волосы, как у того парня, который показывает, как быстро рисовать деревья по телевизору¹⁸. Второй толстый и рыжий. На нем очень короткая розовая футболка с крылатым конем, из-под которой выпирает пузо. Вот тебе и «Воздушный конь». И ты никогда не захочешь пойти на концерт этой группы!

Мы снова замолчали.

– «Воздушный волк», – не унимался я.

– О да! – воскликнул Кори.

– «Воздушный волк» – это та же группа, только в ней есть третий, еще более толстый чувак, который играет на тенор-саксофоне, – сказала Эш.

– Черт, – ответил Кори.

– И это в лучшем случае, – размышляла Эш. – На самом деле «Воздушный волк» – скорее всего, третьесортная хэви-металл-команда. Нашли друг друга по объявлению в Интернете.

– Уверен, уже есть штук восемь групп с таким названием, – заметил Кори. – Давайте посмотрим!

---

¹⁸ Имеется в виду американский живописец Боб Росс, популяризатор техники быстрого рисования маслом.

– Кори, забыл? Телефонов нет.

Короткая тишина на заднем сиденье.

– Точно, – ответил Кори, пытаясь изобразить радость. – И между прочим, я очень рад, что их у нас нет!

– Придумайте такое название, чтобы мне реально захотелось пойти на концерт этой группы, – заявила Эш. – Так и назовемся. Вот только мне кажется, ребята, что вам это не по зубам.

Итак, вызов был брошен. И мы стали ломать голову, придумывая название, которое Эш не смогла бы разнести в пух и прах.

Ведь мы имели дело с еще большей любительницей придирааться, чем мы сами, и стоит ли говорить, что от страха у нас тряслись поджилки.

– Придумал, – объявил Кори.

– Слушаю, – проговорила Эш.

– «Эш и Жопоголовые».

– Нет.

– Ага. Сам знаю, что название дурацкое. Вот только не пойму почему.

– Потому что ругательства в названии обычно означают, что никто из участников группы не умеет толком играть на своих инструментах. Скорее всего, они познакомились, ну, скажем, в летнем кружке по живописи и решили: а давайте соберем группу! Хотя никогда раньше не играли на му-

зыкальных инструментах. Так и появляются всякие «Эш и Жопоголовые». Теперь они сидят, курят Camel Lights и пытаются убедить друг друга, что звучат не отстойно.

Я слышал, как Кори думает. Наконец он произнес:

– А если «Эш и Безголовые»? Не нравится?

– По-моему, еще хуже.

– М-да. Точно.

– «Эш и... Дурноголовые», – предложил я.

– О господи, – покачала головой Эш, – нет.

– Но это, по крайней мере, лучше, чем «Эш и Жопоголовые».

– Нет. Не лучше. «Эш и Дурноголовые» – худшее из всего, что вы пока придумали.

– Не худшее.

– Это даже хуже «Воздушного коня». «Эш и Дурноголовые» – группа, которая играет каверы *Earth, Wind and Fire* на корпоративах. В лучшем случае.

– Согласен, но почему? – не унимался Кори.

– Да что вы зациклились на «Эш и какие-то там»? – спросила она. – Так вы хорошее название никогда не придумаете. Формула «имя + еще кто-то» давно устарела и уже не вернется в моду. А если еще пытаться скаламбурить с таким названием, совсем фигня выходит. Не, серьезно – «Эш и Дурноголовые»? У группы с таким названием нет никакого самоуважения; они даже не могут сделать вид, что оно у них есть! Это кавер-группа, начинающая все свои концерты

с «*Celebration*» Kool & The Gang.

– Уэс любит эту песню, – заметил Кори.

– Неправда.

– В восьмом классе любил.

– Кори, заткнись, бога ради.

– Да не в песне проблема, – сказала Эш, – а в том, что ее исполняют «Эш и Дурноголовые».

Мы продолжали придумывать названия групп, не рассчитывая, впрочем, что какое-либо ей понравится. Нам просто было очень интересно слушать, как она любое из них разносит. С критиком такого масштаба мы еще не сталкивались. Словно наблюдали за великим атлетом, укладывающим на лопатки одного противника за другим.

«Постскрипtum»: «Это прогрессивная рок-группа, в которой слишком много участников. Все поют по очереди и делают это плохо. У барабанщика громадная трехэтажная установка; он похож на хомячка в колесе. В середине первой песни они вдруг начинают играть в 17/4 или другом безумном размере. Люди уходят с танцпола и больше никогда не возвращаются».

«Термолифчик»: «Окей. Название само по себе неплохое, но звучит так, будто его мог придумать только торчок, а вот это уже плохо. «Термолифчик» – это панк-поп-команда одной ступенью ниже тех депрессивных команд, где один из участников знаменит не как музыкант, а как кто-то еще – ак-

тер, футболист и так далее. Эта команда, в свою очередь, одной ступенью ниже, скажем, *Fall Out Boy*, *Imagine Dragons* и прочей торчковой эмо-жвачки. Таким образом, «Термолифчик» находится пятью ступенями ниже *Blink 182*».

«Якобинцы»: «Акустические гитары... слишком четкий ритм... вымученные любовные метафоры со словами типа «астрофизика»... и двое вокалистов, женатых друг на друге. Познакомились в *Google*, где по-прежнему работают. Члены группы патологически боятся уйти в отрыв и ездят в студию на электричке строго раз в четыре дня».

«Магический поющий пенис»: «О боже».

«Какого...?»: «Окей, название мне нравится, но мы никогда не сможем его использовать, потому что группа с таким названием просто не может быть хорошей. Обилие пунктуационных знаков в названии может означать лишь одно: группа притворяется экспериментальной, но на самом деле это не так. По сути, это диско-команда, участникам которой стыдно за самих себя. У них есть кларнет, табла и, не знаю... бас-кларнет. Но все это дымовая завеса: на самом деле играют они обычное диско. Или прогрессивное диско. Название хорошее, но с ним ты обречен звучать ужасно до конца своих дней».

«Рамос, Уол и Дулиттл»: «Органное трио обкурков, которых выгнали из *Julliard*¹⁹; играют на разогреве у *Phish*, у них нет ни одной песни со словами или короче десяти ми-

---

¹⁹ Престижный музыкальный колледж.

нут, а через десять лет они вообще перестанут заниматься музыкой и перепрофилируются в консервную компанию».

«Магический поющий пенис в кубе»: «Окей. Давайте назовемся «Эш Рамос 3» и покончим с этим».

В пять утра занялся рассвет, а Кори уснул. На стоянке мы с Эш оставили его в машине и совершили первую из многих наших безответственных закупок продовольствия. Мы купили двадцать четыре банки колы, двадцать четыре банки другой газировки, по громадной упаковке начос, *Skittles* и ирисок и четыре пачки каких-то безымянных чипсов, на которых было просто написано: «обычные», «с луком», «с сельдереем» и «с говядиной». Я старался читать упаковки, чтобы не купить ничего с орехами. У Кори смертельная аллергия на определенные виды орехов, а я почти не сомневался, что шприц с адреналином он оставил в Шиппенсберге.

Больше всего мне понравились чипсы с сельдереем. Те, что со вкусом говядины, на самом деле имели вкус раздевалки. Где переодевались собаки.

В машине я навалил пакеты прямо поверх спящего Кори, надеясь, что тот проснется и испугается. Но он лишь открыл глаза, кивнул, выражая нам свое высочайшее одобрение, и снова их закрыл.

Я сказал, что сяду за руль, и Эш согласилась.

– А вы, ребят, голубые? – спросила она через несколько миль.

– Чего? – оторопел я. – Мы голубые? Нет. Ты что? Нет,

конечно.

– Да иди ты – «нет, конечно», – фыркнула она. – Еще удивляется, что я спрашиваю. Вы же ведете себя как женатики. И говорите о своих членах, не умолкая.

– Как женатики – это как?

– Ну, пилите друг друга. Как будто один другому уже до смерти надоел, а деваться некуда.

Я не стал говорить, что Кори мне как брат или, скорее, как собака. Точнее, я – его собака, а он – моя. Это прозвучало бы как-то не очень. Не стал и рассказывать, как в девятом классе один парень сбил меня с ног на тренировке по футболу, и я заплакал, а Кори словно голову потерял и набросился на того парня, а все потому, что мы с ним играли в одной ритм-секции в джаз-бэнде. Он сделал такие безумные глаза и начал орать, что сейчас у того парня будет большая, мать его, проблема. Наверное, после этого мы оба должны были почувствовать себя неловко – можно подумать, я дамочка какая-то, на которую напали в переулке, а Кори – Бэтмен. Но почему-то тот случай лишь укрепил нашу братско-собачью дружбу.

– Настоящие голубые никогда не стали бы шутить о членовредительстве, – это было лучшее возражение, которое у меня нашлось.

Эш пожала плечами. Я взглянул на нее. А она на меня. Мы долго смотрели друг на друга. Я не знал, что делать.

– Ты едешь по двум полосам, – заметила она и оказалась

права. Я вырулил, надеясь, что произвожу впечатление спокойного водителя, у которого все под контролем. К моей досаде, Кори на заднем сиденье недовольно простонал.

Не знаю, можно ли вообще говорить о том, что девчонка сексуальная, и не выглядеть при этом дураком или извращенцем, но Эш была сексуальной, и вот почему. Она очень уверенно держалась. Конечно, она имела хорошее сложение и все такое, но главное – особую манеру себя держать. Вздернутый подбородок, развернутые плечи – всем своим видом словно показывала: ну да, у меня маленькая и, наверное, офигенно красивая грудь и вообще, я просто отпадная девчонка, а если вы не согласны, идите и убейтесь. Каким-то образом одним только видом ей удавалось донести до человека эту информацию. И это было очень сексуально. Ну ладно. Пожалуй, мне лучше заткнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.